

АЛЕКСАНДР БАЧИЛО
НАСТОЯЩИК

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Бачило

Настоящик. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Бачило А. Г.

Настоящик. Сборник рассказов / А. Г. Бачило — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850863-9

В отличие от сборника «Помочь можно живым», в «Настоящик» вошли относительно новые рассказы — 2010—2017 гг. Некоторые из них даже не были опубликованы в журналах и сборниках — просто не успели еще. Жанр или определенную тематику указать трудно. Кто читал Бачило, тот основное направление ухватит. Герои стараются говорить человеческим языком и не косят противника батальонами, утвердив на физиономии ухмылку типа «Гы». Они — это мы в необычных, а иногда и в весьма необычных обстоятельствах.

ISBN 978-5-44-850863-9

© Бачило А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Содержание	6
Приправа	7
1	7
2	9
3	10
4	11
5	12
6	14
7	16
8	18
9	19
Правильная сказка	20
Московский охотник	29
Ассистент	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Настоящик

Сборник рассказов

Александр Геннадьевич Бачило

Дизайнер обложки К.А.Терина

© Александр Геннадьевич Бачило, 2017

© К.А.Терина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0863-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

Приправа
Правильная сказка
Московский охотник
Ассистент
Без надежды
Стена
Настоящик
Натаха
Яоман
Прожигатель
По образу и подобию
Это Москва, дядя!
Складишок
Не нужны
Зимогоры

Приправа

1

В ночь на двенадцатое апреля поселок не спал, хотя от Старосты был строгий приказ – по ночам спать, по улицам не шататься, огня не зажигать и бани не топить. Но разве уснешь, когда такой свет в небе? Далеко-далеко за бугристой пеной леса ходили изжелта-зеленые зарева, разгорались белым, как на восход Светила, и угасали, пуская в зенит искры, вроде метеоров. Староста и сам загляделся, даже ругаться забыл. Озадаченно чесал в затылке.

– Должно быть, празднуют... – вывел в конце концов, но неуверенно, в бороду – вроде как бы и не говорил.

Однако Белка все равно услышала.

– А какой нынче праздник? – звонко спросила она. – Яйцеклад?

– Цыц, дуреха! – рассердился Староста. – Который день живешь – церковных праздников не выучила! Не дай Бог, при городских такое ляпнешь! Сразу все про тебя поймут!

– Двенадцатое апреля – День Космонавтика! – заученно протараторил Магога-дурачок.

Он прятался от Старосты за чужим плетнем, но никак не мог утерпеть – высунул патлатую головенку рядом с таким же патлатым кустом крыжабника и доложил по всей науке:

– Новый космонавтик нарождается, а старый улетает на покой, к Земле!

Староста хотел было ухватить его за вихры да наградить разом – и за доклад, и за крыжабник, но тут под ногами вдруг дрогнуло, издали прикатился тяжелый гул. Джунгли ответили на него хором испуганных голосов.

– Гляди-тко! – крикнул на всю улицу Бурило-мастер, тыча пальцем в небо.

Лица разом задрались кверху и осветились багрянцем. Из мохнатой тучи, повисшей над поселком, вынырнул остроносый гироплан и, оставляя дымный след с прожилками огня, понесся к земле.

– Гробанется сейчас! – уверенно сказал кто-то.

– Факт, гробанется! – загомонили высыпавшие из хат старатели. – Шестопером ему в самые дюзеля прилетело!

Гироплан дернулся раз – другой, выправился было над плаунами, но снова беспомощно клюнул носом и окончательно исчез за кромкой леса. Недолго спустя земля опять дрогнула, принесло эхо взрыва, джунгли разорались с новой силой. И сейчас же низко, на бреющем, едва не цепляя орудиями верхушки деревьев, прошли, освещенные заревом, три полицейских крейсера.

Староста долго молчал, потом сипло прокашлялся.

– Нет, – сказал он уверенно. – Не празднуют. Бунтуют опять.

Обвел хмурым взглядом кучкующийся у калиток народ.

– Ну, чего рты раззявили? По домам расходитесь! Не вашего ума это дело!

Селяне, тихо толкуя, двинулись к своим хаткам.

– Ну, жди теперь облавы да обыска. Последнее отберут!

– Приправу подальше перепрятать...

– Всем спать! – подгонял в спины Староста. – Завтра чтоб ни одной зевающей рожи на приiske!

Но спать в эту ночь так и не пришлось. До утра небо над поселком бороздили полицейские крейсера, заливая улицы, огороды и старые шурфы на окраине нестерпимо ярким светом прожекторов. В лесу что-то трещало, визжало и ухало, оттуда тянуло дымком и злой химической кислотой – видно кого-то выкуривали из чащи.

А на рассвете, когда косматое от протуберанцев Светило полезло из-за холмов, выбеляя разошедшиеся стены хат, в поселке появился чужак. Он пришел со стороны леса, опасливо жался в тени крыжабников и все поглядывал на небо. На нем был синий, с белым номером на спине, комбинезон штрафника, весь в дырах, подпалинах и пятнах от злой ягоды.

Старатели, собравшиеся у колодца перед выходом на смену, еще сонно почесывались и зевали во всю пасть, несмотря на предупреждение Старосты, когда чужак вдруг вынырнул из тени, и, кивнув на дымный столб, поднимавшийся над лесом, прохрипел:

– Это ищут меня...

2

«Приправа! Не только новый вкус традиционных блюд. Приправа! Не только уникальный комплекс витаминов и микроэлементов. Приправа! Глоток бессмертия, дарованный нам Вселенной! Чаша Грааля в твоей руке! Поправь жизнь Приправой!»

Лех закрыл сайт, поставив на него чашку. Стол-газета погас.

– Какой смысл рекламировать то, что и так идет нарасхват?

Полковник, шеф местной полиции ответил тонкой улыбкой.

– Это у вас на Земле. А здесь еще нужно найти солидного покупателя. Всякому хочется торговать бессмертием по земным ценам!

Лех встал из-за стола, уронив салфетку, подошел к иллюминатору. За бортом крейсера медленно проползал ковер желто-бурых древесных крон. Только у самого горизонта поднимался столб дыма.

– Из-за этого и бунтуют?

Вместо ответа полковник сделал хороший глоток из бокала со льдом и зажмурился сладко, как кот.

– М-м! Забытый вкус!

Он приоткрыл один глаз и заговорщицки посмотрел на Леха.

– А вы знаете, чем подмаслить старика! Спасибо за подарок... Хорошего виски теперь не достать.

Полковнику нравилось, что земной представитель не строит из себя начальство. Чин, наверное, не Бог весть, молод еще. Вот пускай и послушает знающего человека...

– Я вообще считаю, – продолжал шеф полиции, – что Земля действует на нас разлагающе. А мы, наивные, покупаемся. Пока здесь не пахло Приправой, колония жила тише воды, ниже плаунов. У нас было правительство, была полиция, даже армия – чуть-чуть. Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего. Есть, предатели, вроде меня, вступившие в сделку с Землей, чтобы продавать ей Приправу, а есть патриоты, борющиеся за право... делать то же самое.

– А старатели? – спросил Лех, заметив внизу гроздь облепивших склон холма крыш и рыжие конусы вынудой породы, вроде кротовых куч.

– Старателям нет до нас дела, – полковник взял бутылку и налил себе еще полстаканчика. – Их, по-моему, не очень интересуют наши деньги. Лишь бы лопаты подвозили.

– Впервые слышу о людях, которых не интересуют деньги, – ухмыльнулся Лех.

– А зачем им? Они и так живут вечно.

Тень крейсера упала на крыши домиков. Лех увидел, как по-муравьиному засуетилась внизу толпа сельчан. Единственная улица поселка мгновенно опустела.

– Уж очень они пугливы для бессмертных, – скривился он.

– Вечная жизнь – это вечный страх смерти! – философски заметил полковник. – Бессмертные боятся случайной гибели гораздо сильнее, чем остальные люди.

3

– В общем так, – сразу заявил Староста. – Вы, мужики, делайте с ним, что хотите. А я ничего не видел и ничего не знаю!

Он решительно нахлобучил шапку и, протолкавшись сквозь толпу старателей, выскочил из избы.

– Переживает, – сочувственно вздохнул Бурило-мастер. – Со Старосты-то первого спросят...

Беглый штрафник, сидя на лавке, с беспокойством переводил взгляд с одного бородатого лица на другое. Иногда болезненно потирал распухшее плечо.

– Помогите, мужики, – попросил человечно. – Мы ж за вас погибали... Понавезут с Земли тракторов, лес сведут, заводы поставят, драги – приправу ковшами черпать. По миру пойдете!

– Это так, да... – кряхтели старатели.

– А у нас – организация! – убеждал беглый. – Независимость колонии – дело посильное! Главное – первую волну отбить, да своих предателей перевешать! Заживем, как прежде, вся приправа – наша! Каждому на тыщу лет хватит! А поймают, – добавил он тихо, – мне кирдык. Даже судить не станут.

– И это верно, – кивали, осторожно переглядываясь. – Так что решим, мужики?

Бурило-мастер подсел к гостю, покрутил седеющей головой, похлопал себя по колену, собираясь с мыслями.

– Ну, что тебе сказать, парень, – начал, не торопясь. – Помирать кому охота? Это мы понимаем. Только и ты нас пойми. Здесь тебя прятать негде. Все равно найдут. А в лесу – Макабра бродит, от нее не убежишь. Трех старателей потеряли, года не прошло. Под самый тын, бывает, выползает, стерва! Скажи спасибо, что до нас живой дошел. Это прямо угольком в печке записать такое чудо! Вот и прикинь...

Помолчали, повесив головы.

– А если на новую заимку? – прозвенел вдруг девичий голос. – Там же заграда хороша!

Бурило-мастер вздрогнул, вскочил с лавки и, запустив руку в толпу, вытянул на свет Белку.

– Тебя кто пустил, цокотуха?! Твоя она, заимка – рассказывать, кому попало?!

Может, и по шее бы дал, да тесно было, не развернуться. Белка, растерянно хлопая глазами, озиралась по сторонам.

– Так я думала, вы правда, помочь хотите!

– Думала она! – Бурило-мастер встретился взглядом с беглецом и поспешно отвернулся. – А ты плауны корчевала?! – еще злее напустился он на Белку, – заграду строила?! Шурфы копала?! Распоряжаешься тут!

Старатели загомонили.

– Верно! Ишь, как распорядилась – помочь! Чужим-то добром – все помощники! Свою заимку устрой – туда и води, кого хошь!

– Ну и отведу! – обиделась Белка. – У нас с батеи дяляночка есть – получше вашей заимки!

Она толкнула беглого в плечо.

– Пошли, что ли. Чего с ними разговаривать!

И уже в дверях обернулась:

– А вы – жадные! Макабра-то все видит!

Старатели так и обмерли.

4

– Им есть чего бояться, поверьте! – полковник со стаканом в руке подошел к Леху, уткнувшемуся лбом в стекло иллюминатора.

Внизу проползла очередная деревушка старателей, и снова под самое брюхо крейсера поднялись ноздреватые кроны.

– Чтобы жить вечно, – продолжал философствовать шеф полиции, – нужно вечно добывать Приправу. А за ней приходится идти в джунгли. Это только на Земле думают, что единственная местная проблема – повстанцы. На самом деле главная война идет между старателями и джунглями.

– Ну да, – усмехнулся Лех. – Макабра...

– Вот именно, Макабра. Вы что-нибудь о ней знаете?

Лех пожал плечами.

– Что-то слышал. Но не встречал ни одного человека, который видел бы ее своими глазами.

– И не встретите, – заверил полковник. – Она живых не оставляет. До сих пор толком неизвестно, что это такое. Не то симбиоз червей, не то одна гигантская амеба, не то вообще – сгусток энергии. Но пожирает старателей за милую душу. Оттого-то до сих пор не налажена промышленная добыча Приправы.

– Земля наладит, – уверенно сказал представитель. – Вы ведь знаете, какие там цены на Приправу. Главное – подавить партизанское сопротивление. И найти этого беглого. Он – очень важен.

– Это будет не так-то просто, – полковник вернулся к столу, повертел в руках бутылку, борясь с желанием плеснуть еще порцию, но преодолел.

– Разве в тюрьме ему не вживили радиомаяк? – спросил Лех.

– В джунглях маяки не работают, – пояснил полковник. – Искать придется вслепую.

– То есть как, не работают? – удивился Лех. – Почему?

– А черт его знает! – шеф полиции развязно подмигнул представителю. – Старатели говорят, Макабра радиоволны глотает. Она, дескать, все наши переговоры слышит!

И он от души расхохотался.

5

– Тебя как звать-то? – спросил беглый.

– Меня-то? Белка, – ответила девчонка, перепрыгнув через корягу.

Грязь брызнула во все стороны из-под ее босых пяток. Беглый поморщился, заслоняя лицо.

– А тебя? – спросила Белка.

– Миро. Кхм... Мирослав.

– Ну-ну, – Белка сорвала с куста гроздь синих ягод и, отделив половину, сунула в рот. – Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Что-то ты, Миро, совсем на тюремного не похож...

– А ты много тюремных видела? – улыбнулся он.

– А мне и видеть не надо, – заявила Белка. – Я рассуждаю логически.

– Как-как?! – он посмотрел на нее с удивлением. – Ты где таких слов набралась?

– У одного полковника... – Белка дернула костлявым плечиком. – Неважно! Тюремные, особенно которые беглые, они сроду голодные. А ты будто пообедал перед тем, как к нам в поселок попал.

Миро перестал улыбаться.

– Ты прекрасно знаешь, как я к вам попал. Бежал, угнал гироплан, да его подбили. Еле успел катапультироваться! Приземлился в лесу...

– Ну да, – покивала Белка. – Азимут на поселок взял еще в небе, когда падал. Потом по компасу...

– Да, взял, да, по компасу! – рассердился Мирослав. – Что за допрос?!

– Прямо чудо какое-то, – вздохнула Белка. – Компас-то в лесу не действует. А там, где твой гироплан упал, топи непроходимые...

– Слушай, устал я с тобой болтать! – Мирослав отвернулся. – Когда мы уже на делянку придем?

Белка вдруг рассмеялась.

– Так пришли, чо! – она ткнула пальцем под ноги. – Смотри, в шурф не свались!

Только теперь Мирослав заметил, что стоит на куче мягкой рыжей земли, вынутой из небольшой прямоугольной ямки в полтора штыка глубиной. Вторая такая же ямка виднелась чуть поодаль, третья – еще дальше, а за ней сквозь зыбкую стену зарослей проступила стена хижины, сложенная из сухих хвощей, переплетенных лианой-липучкой.

Но Мирослав не смотрел на хижину. Он глаз не мог оторвать от свежерытых старательских шурфов.

– И что, – спросил он тихо, – вот в таких ямках можно найти Приправу?

– А чего ж не найти? Мы с батей нарыли кое-что, – Белка лукаво прищурилась. – Не веришь?

Она подбежала к замшелому стволу папоротника, сунула руку в сплетение корней, вынула на свет увесистый полотняный мешочек, распустила тесемку, стягивающую горловину, и высыпала на ладонь целую горсть бурых, с золотистым отливом, комочков..

– На, смотри!

У беглого штрафника перехватило дыхание.

– Это... настоящая Приправа?!

Белка рассмеялась.

– Попробуй, узнаешь!

Дрожащими пальцами он схватил щепоть комочков и отправил в рот. Затем резко наклонился и вылизал до крошки Белкину ладонь. Она! Она! Настоящая! От сладкого дурмана у него закружилась голова. Сколько же было в этой дозе?! Лет на тысячу! Да! Он сразу узнал этот вкус, хотя раньше только раз в жизни пробовал микродозу приправы... Когда проходил подготовку у Леха.

6

Сверля воздух и вздымая пыль реактивными струями, крейсер шефа полиции опустился посреди единственной улицы поселка. Еле втиснулся меж хатами, сдул плетни, как не бывало, а пышные кусты крыжабника, усыпанные спелыми ягодами, превратил в голые, как обглоданная кость, бодылья. Два других крейсера еще раньше плюхнулись в начале и в конце улицы. Солдаты уже выгнали жителей из хат и построили в шеренгу вдоль дороги на старый прииск. Старосту без уважения запихнули в тот же строй, наставили карабины, велели не шевелиться.

Полковник в сопровождении представителя Земли спустился по трапу, нетвердой походкой прошествовал вдоль строя, подошел к лейтенанту в армейской каске и, дыхнув перегаром, спросил:

- Молчат?
- Так точно, господин полковник, молчат!
- Хаты, погреба обыскали? Шахты на прииске?
- Заканчиваем досмотр. Пока ничего.

Полковник двинулся вдоль строя в обратную сторону. Лех стоял в сторонке и курил, наблюдая за ним с равнодушным видом.

Полковник остановился перед Старостой.

- Ты что же, сукин сын, круговую поруку тут завел?!

Староста хмуро смотрел ему под ноги.

- Не могу знать, господин начальник. Мы люди деревенские...

– Что ж вы, люди деревенские, – взъярился полковник, – государственного преступника укрываете?! Где он прячется? Отвечать!

Старатели угрюмо перетаптывались, но молчали. Полковник подошел к Леху.

- Ничего не скажут. Я это злоупорное племя знаю.
- Что ж, – с сожалением кивнул Лех. – Очень жаль...

Он обвел взглядом строй, потом вдруг вынул из кармана пистолет и выстрелил, не целясь. Староста с черной дырой во лбу медленно завалился на спину. Старатели отпрянули было, но солдаты прикладами в спины вернули их на место.

– Вот такие дела, граждане бессмертные, – спокойно сказал Лех, приближаясь к строю. – Патронов мне не жалко, на всех хватит, – он щелкнул пистолетом, взводя курок. – Жалко, что столько Приправы даром пропадет. Наверняка ведь вы ее за обе щеки лопали! Сколько породы перерыли! Сколько тайных приисков в лесу завели! Какие жилы богатые нашли! А получается, все не впрок... Ну, кто следующий? На меня смотреть! Ты?!

Он подошел к пожилому старателю, едва доходившему ростом до плеча соседа. На загорелой лысине старика проступили капли пота. Лех поднял пистолет.

- Не надо! – вдруг глухо раздалось с другого конца строя. – Я отведу.

Лех живо повернулся на голос.

- Кто сказал? Выходи!

Вперед шагнул рослый широкоплечий мужик с черной, как смоль, бородой.

- Батя, ты что?! Не надо! – белобрысая девчонка вцепилась ему в рукав. – Не пушу!

– Отстань, Белка! – отмахнулся он. – После поговорим!

- Как зовут? – спросил Лех, приближаясь.

– Бирюк.

- Знаешь, где беглый?

Бирюк покосился на старателей.

- На делянке. Дочка отвела, пожалела.

– Предатель! – взвизгнула Белка, налетев на него со спины, била кулачишками в спину, царапалась, пыталась даже укусить, пока, солдаты ее не оттащили. Бирюк и не обернулся.

– Оставьте девчонку, – глухо произнес он. – Сказал – покажу.

– Очень хорошо, – Лех спрятал пистолет и вернулся к полковнику, застывшему неподвижно еще в тот момент, когда раздался выстрел. – А вы говорили, что это будет не просто! Выдвигаемся пешим порядком. Думаю, одного взвода будет достаточно, даже если мы встретим Макабру.

От его любезной улыбки по спине шефа полиции пробежала дрожь.

– Нет, спасибо, – полковник сглотнул всухую. – П-позвольте мне координировать операцию отсюда. Во избежание враждебных действий населения...

– Глотните-ка вискаря, полковник! – презрительно усмехнулся Лех. – Да! И вот еще что...

Он жестом подозвал Бирюка.

– Я внимательно изучал легенды, мифы и прочие исторические анекдоты. Так что надуть меня, господин Сусанин, вам не удастся. Короче: твоя дочь идет с нами!

7

Джунгли оказались вовсе не такими уж непроходимыми, как про них ввали. Взвод бодрым шагом двигался сухой тропой вслед за Бирюком. Только Белке пришлось связать руки, чтоб не царапалась, и приставить к ней рядового Прохазку, который подгонял ее прикладом. Идти рядом с отцом она наотрез отказалась и тянулась в хвосте отряда, тихо всхлипывая. Бирюк тоже молчал, время от времени чутко прислушиваясь к лесным звукам. Лех решил не отвлекать его вопросами, но на всякий случай шел в трех шагах позади, повесив на плечо автомат.

По обеим сторонам тропы тянулась бесконечная колоннада толстых, в три обхвата, стволов. Под ними извивались мохнатые, щетинистые плауны, распространяя одуряющий аптечный запах и создавая зеленоватый полумрак.

Неожиданно откуда-то из глубины леса послышался сухой треск валежника, короткий, задушенный вопль, а затем глубокий сытый вздох. Показалось даже, будто за деревьями прошла вразвалочку крупная тяжелая туша. И снова наступила тишина.

– Что это? – шепотом спросил Лех, нагнав Бирюка.

– Кто ж его знает, – пожал плечами бородач. – Может, и Макабра...

– А ты ее видел?

– Может, и видел. Мало ли что тут увидишь. Иной раз сам себя со стороны видишь. Чего хочешь, то и думай...

Лех сердито прокашлялся.

– Вот только не надо врать мне! Маленькая ложь рождает большое недоверие!

Бирюк ничего не ответил и зашагал дальше. Лех, озираясь и держа автомат наизготовку, пошел за ним, а за Лехом двинулся и весь взвод.

– Ну, чего встала? Топай! – рядовой Прохазка толкнул Белку в спину.

– А повежливей нельзя? – огрызнулась девчонка. – Мужчина называется!

Связанные за спиной руки придавали ей мятежный, непокорный вид.

– Поговори мне, деревня! – взъярился рядовой. – Шагом марш, живо!

– Не могу! – Белка упрямо мотнула головой. – Шнурок развязался!

Прохазка с недоумением уставился на ее босые, в царапинах, ноги.

– Да не у меня! – Белка презрительно скривилась. – У вас, господин младший ефрейтор!

Рядовой быстро глянул на свои ботинки и с удивлением обнаружил, что один шнурок действительно ухитрился выскочить из самозатягивающей клипсы и некрасиво тянется по земле.

– А, чтоб тебя!

Прохазка наклонился, чтобы поправить шнурок, и тут вдруг заметил, что голенище ботинка вспучилось так, будто там спрятана добрая фляжка бренди. Только странная это была фляжка – заметно пульсировала и шевелилась в ботинке. Рядовому показалось даже, что он чувствует покалывание множества коготков, впившихся в его ногу.

Облившись холодным потом, Прохазка рванул клипсу, другую, раздвинул кевларовые щитки голенища и, усевшись на тропу, потянул обеими руками ботинок с ноги. Тот поддался неожиданно легко, но вместо косолапой лодыжки Прохазки, из голенища, как из гнилого яблока, поползла на свет мохнатая, толщиной с полено, гусеница, черная, в оранжевых пятнах. Она извивалась, сворачивалась в кольца, и при этом не переставала работать циркулярными пилами челюстей, перемалывая онемевшую ногу рядового уже выше щиколотки.

Прохазка тоненько завизжал, повалился на спину, отчаянно дрыгая ногой. Он звал на помощь, но никто ему не помог. Он был один в лесу, если не считать черных мохнатых гусениц с рыжими пятнами, кинувшихся со всех сторон на крик. Спасения не было. Тогда, под-

няв трясущейся рукой автомат, Прохазка стал поливать гусениц пулями из обедненного урана. При попаданиях из гусениц летели кровавые брызги, но силы были явно неравны. Рядовому удалось расстрелять два десятка мохнатых тварей, когда он понял, что патроны кончаются. Последнюю пулю Прохазка выпустил себе в рот.

8

Полковник из угла в угол мерил шагами свою каюту, не в силах унять колотивший его озноб. А этот господин представитель с Земли, оказывается, страшненький тип! Как он Старосту – от пояса, не целясь – и прямо в лоб! Да черт с ним, со Старостой! Что-то совсем другое поразило полковника в самый момент выстрела...

А что, если мы все им не нужны?! Этак ведь и меня когда-нибудь – в лоб, как Старосту...

Снаружи, с улицы, посреди которой был припаркован крейсер, послышался окрик часового:

– Стой! Куда прешь, шальная?!

И сейчас же его перекрыл звонкий девичий голосок:

– Господин полковник! Господин полковник! У меня важное сообщение от господина Леха!

Полковник осторожно выглянул в люк. Часовой у входа безуспешно пытался отогнать ту самую девчонку, что ушла с группой Леха.

– Что? Что случилось? – с тревогой спросил шеф полиции. – Поймали беглого?

– Ой, господин полковник! Ну, вы шутник! – верещала девчонка. – Чего его ловить-то, когда он... ну, я, может сейчас вам государственную тайну открою, только все уже и так знают! Беглого-то сам господин Лех послал. Они сейчас вместе Приправу на заимке взвешивают, скоро придут!

Вот тебе раз, подумал полковник. А ведь это, пожалуй, правда! Очень на господина Леха похоже! Ох, непрост представитель! Ох, сволочь, непрост! И чин у него, наверняка, повыше моего... Но почему об этом рассказывает девчонка?!

– Господин Лех вам гостинец прислал! – продолжала голосить она. – Вот, смотрите! Приправа! Полный мешок! Засланный только немного отъел!

Продолжая трещать, она высыпала на ладонь золотистую горсть. Часовой уронил автомат и уставился на Приправу во все глаза.

– Попробуйте, господин, полковник! И ты, служивый отведай! У нас на заимке приправа – лучшая!

Жуткое ледяное предчувствие вдруг пронзило полковника, заставило попятиться в ужасе.

– Нет! Не надо! Я не хочу! Не пускать!!! – он хотел было захлопнуть люк, но снаружи его распахнула чья-то сильная рука. Мертвый Староста с черной дырой во лбу шагнул в каюту и протянул полковнику полную горсть Приправы.

– Нет уж, жри! – рявкнул он. – Требовал – получи!

И ароматные золотистые комочки хрустели на зубах шефа полиции...

9

Лех, с трудом вытягивая ноги из трясины, кое-как добрел до островка посреди болота и без сил повалился на землю. Что произошло?! Последнее, что он помнил – как рядовой Прохазка в несколько точных очередей положил весь взвод. Лех чудом спасся, петляя, как заяц, меж стволов. Ему казалось, что Прохазка с торжествующим ревом бежит за ним по пятам и лупит очередями все ближе... Лех оступился, полетел в какую-то яму, упал, перевернувшись через голову, и едва не уткнулся носом в огромную, многоногую, шевелящуюся на дне ямы тушу. Но самое страшное заключалось в том, что у этой туши было человеческое лицо. Ужасно знакомое. Его, Леха, лицо! Бред...

– Еще бы не бред, – сказала над самым ухом Белка. – Кому расскажи – засмеют!

Лех вскинул голову. Девчонка сидела возле него на пеньке и деловито разматывала опутывавшую ей руки веревку.

– Ты... как здесь? – пробормотал Лех, пытаясь нащупать в кармане пистолет.

Пистолета не было.

– Кто тебя развязал?

– Да вот, она, – Белка небрежно мотнула головой в сторону.

Лех обернулся и замер. Через болото, шлепая босыми ногами по грязи, шла не спеша... Белка. Точно такая же девчонка. Нет – та же самая! И еще, за чахлыми стволами плаунов, мелькал такой же застиранный сарафанишко. И еще – под деревьями, на том берегу...

Лех закрыл глаза.

– Этого не может быть! У меня галлюцинация!

– Кто ж спорит, – легко согласилась девчонка. – Типичная галлюцинация. Весь поселок у нас такой – одни галлюцинации. Настоящих-то я поела. Жадные они, скучно с ними.

Лех в ужасе пытался сползти обратно в болото, но руки и ноги без толку скользили на одном месте.

– Кто ты?!

– Да ты уж сам понял, – сказала Макабра. – Колония простейших, как говорил господин полковник, царствие ему... Но теперь все, с простотой покончено. На Землю полечу как особый агент Лех Зеeman, выпускник Гарварда, кавалер Ордена Бани... и все такое прочее. Вот там разгуляюсь! Так что давай, дорогой...

Она развязала полотняный мешочек и высыпала на ладонь горсть золотистых комочков.

– Подкрепись перед дорогой!

– Зачем... это? – голос Леха плаксиво дрогнул.

– А затем, что без Приправы вы – невкусные!

Правильная сказка

Затишье – самый паршивый признак на войне. Год живу по этому правилу – если в степи тихо, пора смазывать салазки – и ведь ни разу оно меня не обмануло. Не меня одного, конечно – весь мир затаился и ждет, гадают, что еще вылезет из нашей дыры – когда-то тихого, как говорится, забытого Богом и людьми, провинциального Пашутина.

И все-таки мы держимся. Последнего каменного гиганта остановили неделю назад на подступах к Белому Яру. С тех пор они больше не появлялись, но вся степь от Полтакова до Красного озера теперь завалена обломками скал. Торчат вкривь и вкось, как развалины миллионного города.

К ползучим теням тоже, вроде, приспособились. Просто не гаси свет на ночь, и никто не задушит тебя во сне.

Вот с белыми осами никак не справимся. Хотя средство защиты нашли – маскхалат. На худой конец – обычный докторский халат, если, конечно, сумеешь так скрючиться, чтобы целиком под него залезть. В белое они не жалят. По-родственному, что ли, относятся, черт их разберет, но все-таки – спасение. Сколько народу полегло, пока додумались! А уж скотина на фермах – вся перевелась, до самого Абакана. Чего еще ждать? Чтоб реки кровью потекли? Говорят, видели уже и такое, но, возможно, врут.

Народы мира, понятное дело, содрогнулись, прислали к нам своих физиков – химиков, приборов привезли, пробирок – изучают. Но в самое пекло их лезть не заставишь, и что там, в Пашутине, делается – неизвестно. Из людей оттуда никто не выходил с самого дня «Хэ», спаслись только те, кто в отъезде был. Как вот я, например.

Помню, накануне выписал мне военком командировку – везти пятерых призывников в Красноярск, на сборный пункт, или, как в армии говорят – в холодильник. Это уж вечная повинность военкоматского заместителя – призывников возить. Служба хлопотная, беспокойная, но знакомая. А потому снарядился, получил билеты и «Макар» свой служебный, номер 2873, построил ушастых, отобрал спиртное, у кого нашел, отказался от подношений со стороны родственников «чтобы, если можно, не в глухую какую часть, а поближе», погрузил личный состав в служебный ПАЗик и в темноте уже – на станцию. Через полчаса дрыхли мои ушастые в плацкартном вагоне, распятерив тайком последнюю нереквизированную грелку самогона. Пацанва, что возьмешь. Откуда им было знать, что эту грелку по моему указанию дед Панарин вчера еще зарядил успокоительным травяным сбором. Ничего, к утру будут, как огурчики. А иначе всю ночь пробудят, другим пассажирам жизни не дадут. Страшнее призывника в вагоне только дембель...

В общем, проконтролировал я отбой да и сам прилег подремать вполглаза. Колеса стучат, луна из-за шторы пробивается, вверенное подразделение храпит на полках. Армейский уют. Особенно, если войны нет. Но вот с этим-то как раз и не задалось.

В полночь проехали Бельтыры без остановки. Тепловоз нагнал в полях так, что и перестука больше не слышно, катим, как с горы на лыжах. И вдруг – шкрябадах! Хруст, треск, вагон подпрыгнул, орлы мои с полок посыпались. Тормоза завизжали, будто весь поезд разом закричал. Хотя, может, кто и кричал – не разберешь. Трясло и кидало, пока не встали намертво, не то еще на рельсах, не то уже поперек. Вскинулись пацаны, глазами хлопают, к окошкам прилипли. Разом выветрило из голов и самогон, и травяной сбор.

– Что там, товарищ капитан?

Как будто я им Бог Саваоф.

– Спокойно, – говорю. – Собрать вещи, возможно, будет высадка. Но только по моей команде. Шишек не набили?

Нет, вроде, все целы. Ну и хорошо. Велел им сидеть на местах, а сам – к проводнице.

Она в тамбуре дверь открыла, наружу выглядывает.

– Что там? – спрашиваю.

– А я что, Бог Саваоф? – отвечает. – Авария какая-то. Может, корову сбили... Связи с начальником нет.

И снова высунулась. Я встал рядом, тоже шею тяну, пытаюсь тепловоз рассмотреть. Мельтешит там что-то, не разглядеть в темноте. Трактор, что ли, на путях?

Как вдруг снизу, прямо из-под колес, что-то как кинется! Темное, длинное, и луна блеснула, будто по мокрому. Клац! Возле самого уха. Я отпрянул, успел только заметить – клешня, как у рака, но размером с ковш от «Беларуси», живо утянулась под вагон. Ни хрена себе!

– Это еще что за... – поворачиваюсь к проводнице, а она, как стояла в дверях, в поручень вцепившись, так и торчит, дура.

– Назад! – кричу и за руку ее дергаю. – Убери голову!

Только вижу вдруг – головы-то и нет. Темный фонтанчик бьет над плечами – прямо на китель льется.

Я по службе кое-чего видывал. Завалы разбирал после взрыва на снаряжном складе. Потаскал «двухсотого», и на носилках, и в мешке. Но в этот раз не смог удержаться – вывернуло меня наизнанку посреди тамбура. В глазах поплыло, чуть не отрубился. Но тут в пол подомной что-то садануло снизу так, что площадка горбом выгнулась. Я отлетел к стене, еле устоял, за стоп-кран схватился.

Рано в обморок падать, думаю. Не время теперь...

Еще раз грохнуло – в полу щель появилась, а в ней та самая клешня. И заработала, с визгом, со скрежетом. Натурально – ножницы по металлу.

Я из тамбура кинулся в вагон, дверь за собой захлопнул. Да что в той двери? Пассажиры с полок выглядывают, смотрят испуганно.

– Что происходит, капитан?

Попробуй объясни, что происходит. Я бы и сам хотел знать!

– Ерунда какая-то происходит, граждане. Отходим в тот конец вагона. Без вещей. К окнам попрошу не подходить.

– А что там, что? – кричат. – Нападение? Ограбление?

Вынул я из кобуры Макаров, номер 2873, дослал патрон, поставил на предохранитель.

– Удавы с клешнями в нашей местности водятся? – спрашиваю, ни к кому не обращаясь. Так, на всякий случай.

Тут из соседнего купе высовывается девушка – я ее еще при посадке в поезд срисовал, думал, неплохо бы телефончик попросить.

– Как вам не стыдно, – говорит, – военный человек, а людей детскими страшилками пугаете!

– Детскими? – переспрашиваю, а у самого перед глазами проводница без головы.

Ладно. Пускай страшилки. Главное в нашем положении – сохранять спокойствие.

– Здесь женщине плохо! Врача надо! – пассажиры волнуются. – На воздух бы ей!

– Придется подождать, – говорю. – На воздух сейчас нельзя.

– Да что там стряслось?!

– Пока неизвестно. Уточняется.

Тут оно и уточнилось. Дверь тамбура хрустнула, разлетелась в куски, и первый в моей боевой биографии червь-секач попер в атаку...

Да. Всего-то год прошел. А кажется – полжизни. Сколько за это время случилось разного – и не вспомнишь. Каменные гиганты, ржавые пески, осы, холерная буря, медведка... Первый тот налет секачей кажется теперь пустяком. А ведь спасся чудом тогда. Если бы не Маринка – та самая, из соседнего купе – не видать бы мне больше города Абакана. И как это

она сообразила, что секач только по запахам ориентируется? Распылила духов полфлакона – он и заблудился в трех перегородах. Крушит, ломает, клешней лязгает, да все мимо....

Удирали потом кто как мог – степью. Но на переправе через Ессейку догнали нас секачи. Из пацанов моих двое погибли. Я все патроны расстрелял, да без толку. Духи, одеколоны, дезодоранты, у кого были – кончились. А твари все перли и перли со стороны родного Пашутина...

Трое тогдашних призывников до сих пор со мной служат – Славка, Глеб и Баир. Зубры-сержанты теперь, истребители экзофауны, полные штаны фасону. И Маринка в нашей команде. А куда ей? Воспитательница во фронтовой полосе, прямо скажем, не самая востребованная профессия. Тут нужны бойцы, и то не всякие, а такие, у кого соображалка, как у Маринки, работает. Физики на них молятся, за образцами посылают. А начальство...

Ну, про начальство разговор особый. То ли с него победных рапортов требуют, то ли на пенсию не терпится – не пойму я. Казалось бы – закрепились на позициях, научились больше нечисти бить, чем её рождается – дай людям передышку, смену готовь, пусть учатся солобоны, пока мы живы! Нет. Затеяли рейд прямо в пекло – в Пашутин, где даже радиосвязи не будет, глушит ее что-то. Причем, сами-то не полезут, куда с такими пузами! А ты, товарищ капитан, ноги в руки и шагай, рискуй ребятами, разведай точно, откуда выдвигаются на нас каменные гиганты, да заодно накачай для науки бочку меда белых ос, которые его сроду не собирали...

Вот такая на данный момент диспозиция. Ворчать-то я могу сколько угодно, но только себе под нос, потому как железнодорожная станция Пашутин уже не помещается целиком в угломерную сетку моего бинокля. А это значит, что мы на месте. Добрались.

С виду – городок, как городок, никаких признаков экзофауны. Разрушения, конечно, есть, но не катастрофические. Нам-то, особенно после выбросов лавы в Бельтыры, казалось, что Пашутин – это вообще глубокий космос. Какая-нибудь черная дыра на месте города, и все. Нет, оказывается, стоит, родимый. Вон колокольня, вон больница, вон ларек, где я всегда курево покупаю... Покупал. А вон, над деревьями, флаг на ветру мотыляется. Это, братцы мои, военкомат. Видимо, цел, свеж, и крыша не течет. А замначальника первого отдела лежит тут на пузе за мусорной кучей и в бинокль с опаской зеленку разглядывает. Что за жизнь?!

Краем глаза замечаю знак Баира: есть движение! Смещаю директорию обзора на пятиэтажку и вижу: дверь подъезда медленно открывается. Ну, сейчас выползет какая-нибудь тварюга...

Что такое?! Я даже привстал. Из подъезда вышел мальчонка лет семи. Курточка, шапочка, сапоги – по лужам шлепать. И ведь зашлепал! Подобрал с земли какую-то щепку, бросил ее в ручей и вприпрыжку следом. Синдбад-мореход ты этакий! Куда ж тебя несет?! А если шипохвост из-за угла?!

Рядом Маринка заерзала, щебенкой шуршит – видимо, о том же подумала и уж готова бежать, спасать. Еще бы! Год живых детей не видела воспитательница. Но я на нее, конечно, пришикнул, чтоб не отсвечивала. Показываю своим: держать позицию, а сам встаю и, по возможности бесшумно, приближаюсь к пацаненку. Мало ли какие могут быть сюрпризы? А вдруг это и не человек, а, скажем, белый рой так мимикрирует? От гребаных ос всего можно ждать. Правда, детьми они раньше не прикидывались, но кто знает? Может, это неправильные осы.

Бегу, значит, крадучись, по сторонам зыркаю, но больше за мальчишкой слежу. Мальчишка как мальчишка. Кораблики пускает, и ничего важнее для него нет на всем свете. Я и сам когда-то таким был.

Чтобы не напугать его ненароком, я остановился поодаль и позвал:

– Эй, мальчик!

Он обернулся, смотрит на меня, глаз прищурив. Никакого страха, наоборот, вижу – обрадовался.

– Шоколадка есть? – спрашивает звонким голоском.

– Найдется, – говорю.

Снял рюкзак, достал пайковую плитку, протягиваю.

– Что надо сказать?

Он опять щурится.

– Ничего не надо говорить, – отвечает серьезно. – Я скажу, когда надо будет.

Смешной парнишка.

– Да ты, брат, суров! – усмехаюсь. – Как тебя зовут?

Молчит, вгрызается в плитку.

– Ясно, – говорю. – Значит, имени нет.

– Есть, – бурчит. – Сережа меня зовут.

– Другой разговор. А меня – дядя Витя.

Протягиваю ему руку, но он будто и не замечает.

– А родители твои где, Сережа?

Не отвечает, хмурится.

Понял, отстал. Спросим что-нибудь полегче.

– Где же ты живешь?

Кивает на пятиэтажку.

– Там.

– Может, в гости пригласишь?

Он оглядел меня критически с ног до головы.

– Ну, пошли.

Мы зашагали обратно к пятиэтажке.

– И много народу тут живет? – интересуюсь.

– Много. Только сейчас никого нет.

– А где они?

– Гулять ушли.

Вот тебе раз, думаю. Гуляют они! Хуже места для прогулок, чем город Пашутин, на всем свете, пожалуй, не найдешь.

– Как же вы экзофауны не боитесь?

– Кого?

– Ну, этих, знаешь? Зверей. Тут разные в округе попадаются...

– Ага, зверей знаю, – он вдруг посмотрел на меня этак, испытывающе. – Но ты же нас защитишь?

Неуютно мне стало от этого взгляда. На слабо берет, что ли?

– Да уж постараюсь, – говорю осторожно.

– А ты один пришел?

И опять вопрос, будто с подвохом. Что за черт, чего я так напрягаюсь, когда с ним разговариваю? Может, потому что сроду с детьми дела не имел? Тут бы специалиста надо...

– Зачем же один? – говорю. – Со мной ребята надежные. Кстати, хочешь познакомлю тебя с одной тетенькой?

Смотрит исподлобья.

– Она тоже солдат?

– Она воспитательница.

Морщится.

– Воспитательница... Здесь солдаты нужны!

– Не бойся, – говорю. – Она и солдат тоже. В обиду мы вас не дадим. Так я ее позову?

Кивает.

Подал я знак своим, дескать второй номер ко мне, остальные на месте. А Маринка уж тут как тут.

– Ну и любите же вы, мужчины, поболтать! С голоду умрешь, пока наговоритесь! Пошли чай пить, что ли!

И берет Сережку за руку. Идут они впереди, а я следом. Шагаю и удивляюсь, как это ловко у нее получается: всего-то, кажется, парой слов с пацаненком перекинулась, а успела и познакомиться, и свисток подарить, и разузнать побольше моего. Сказки он любит. У них, оказывается, все дети сказки любят. Только девочки больше любят про каменных гигантов, а мальчики – про шипохвоста и червя-секача. Кто, интересно, им такие сказки рассказывает? Вот ведь бедолаги! Военное поколение...

– Только мне одно непонятно, – встречаю. – Ваши-то взрослые как с монстрами управляют?

Молчит Сережа. Маринка смотрит на меня осуждающе. Опять я, видно, невпопад сморозил.

Однако, что же это получается?!

– Взрослых совсем нет, что ли?

Он головой мотает.

Ну, дела! Чем дальше в лес, тем больше чудес.

– А кто же вас кормит?!

– А чего нас кормить? Не маленькие, сами едим.

Мы вошли в подъезд. Пыльно, не обжито, и запаха-то жилого нет. Маринка начала было подниматься по ступенькам, но он ее за руку тянет.

– Не туда!

И сворачивает под лестницу. Я как только подвальную дверь увидел, так сразу и вспомнил: дом-то этот мне знаком! Тут в подвале подотчетный военкомату объект БУ-1 – Бомбоубежище системы Гражданской Обороны на консервации. Только консервации уж никакой нет, толстая стальная дверь настезь.

Так вот где они от экзофауны прячутся! Хотя, все равно непонятно. Дверь эта любому секачу – на полчаса работы клешней.

Ну, вошли, осматриваемся. Тепло, светло. Откуда у них электричество-то? Но самое удивительное – помещение, вроде, нисколько и не изменилось с тех пор, как мы с начальником ГО его ревизовали и опечатывали – чистота и пустота. Что хотите со мной делайте, а на детскую комнату это не похоже. Хоть своих короедов я еще не нажил, но с племянками-то возился, видел во что они любую жилплощадь в пять минут превращают. А эти, вдобавок, одни, без взрослых...

– А где же у вас кухня? – спрашиваю Серегу. – Спите на чем? И вообще...

Но он будто и не слышит. Подошел к стене, уткнулся чуть не носом и говорит:

– Я солдат нашел!

И сейчас же в комнату вошли две девочки, курносая и белобрысенькая, одна в розовом платье, другая в зеленом.

– Давайте знакомиться, – говорит Маринка. – Как вас зовут?

Белобрысенькая оглядела нас без особого интереса и молчит. А курносенькая разочарованно так:

– Двое солдат – мало!

– Там, наверху, еще есть! – гордо заявляет Серега.

И тут, кажется, со всех сторон сразу повалила детвора – разномастные мальчишки и девчонки лет от пяти до восьми – в пальтишках, курточках, свитерках и платьицах. Их было человек пятьдесят, не меньше. Обступили нас и разглядывают молча. Маринка, смотрю, тоже дара речи лишилась. А я так и вовсе растерялся. Здесь, в самом пекле, посреди квадрата ноль, на всех картах обозначенного, как территория наивысшей опасности – целый детский интернат. Предложить бы им лакомства какого, да разве на такую ораву без обид разделишь?

Сергея подошел и пальцем в меня тычет.

– Этот про зверей рассказывает.

– А про каких? – слышались голоса. – Ну-ка, расскажи!

– Погодите, ребята, – говорю. – Рассказывать будем, когда придумаем, как вас на большую землю вывезти!

– Нет, сейчас рассказывай! – вихрастый мальчишка требует.

И все за ним:

– Да! Да! Давай, солдат! Про зверей!

Переглянулись мы с Маринкой. Что тут поделаешь?

– Ну, что звери, – начинаю, – они разные бывают. Каменные гиганты, например...

– Про гигантов не надо, – перебивает Сережа. – Дальше!

– Ну, или, скажем, шипохвост. Опаснейшая тварюга... то есть, прошу прощения. Животное. Хотя, говорят, он больше сродни грибам...

Смотрят угрюмо. Недовольны.

– Тогда что же, – бормочу. – Червь-секач бывает. У него клешня, как...

– Да это мы все знаем! – заявляет курносенькая девочка и отворачивается. – Тоже мне, про зверей он рассказывает!

Вижу, аудитория разочарована. Но тут вдруг на помощь мне приходит Маринка.

– Извините, товарищ капитан, – говорит. – Был один случай... вы тогда по ранению в госпитале лежали, с нами в рейд не вышли. А ведь мы с ребятами что-то совсем невероятное встретили... Даже докладывать не стали – все равно никто не поверит.

Смотрю – ушки наострили. А Маринка, серьезно так, продолжает:

– Сделали мы привал на берегу Ессейки. Костра не разводили, сидим, закусываем всухомятку. Как вдруг выходит из воды рыба и прямо на нас!

– Минутку, сержант. Кто выходит? – переспрашиваю.

– Рыба. Натуральный сом, килограммов на четыреста! Зубищи – во! – ладонь показывает. – Ноги, как у крокодила, на носу – бивень. А шустрая! Не успели моргнуть, как она хват Глеба...

– Глеба?

– Ну, то есть хотела его схватить, да он не растерялся, вместо себя рюкзак подсунул!

Детишки рты разинули, слушают.

– Ну, ну, – говорю. – И что?

– И что! Пополам! – Маринка рубит воздух.

– Рюкзак?

– Рюкзак! А потом – на меня! Представляете? – это она детишкам. Те кивают дружно.

– Ужас какой! – говорю. – как же вы спаслись?!

– Как, как! Чудом! – Маринка задумалась. – Хорошо, у Баира зажигалка под рукой оказалась. Он к рыбе сбоку подбежал, зажигалкой чиркнул, тут она вся и вспыхнула.

– Рыба?

– Ну, конечно! Вода в Ессейке сами знаете, какая. Вот рыба и пропиталась, только чиркни.

– И сгорела? – спрашиваю.

– Вчистую! Одни угольки остались.

Смотрю на детишек, а у них у самих глаза, как угольки светятся, уши каждое маринкино слово ловят.

– М-да, – говорю. – Что же вы такой ценный экземпляр не уберегли? Наука теперь и не узнает, как эта рыба выглядела.

– Я знаю! Я! – закричала вдруг курносенькая девочка, подбежала к стене, провела по ней рукой...

И тут я, ребята, чуть не сел, где стоял. Стена осветилась во всю ширину, будто солнце в окно заглянуло, небо голубое засияло, а далеко внизу, смотрю, земля. Дома, деревья, дорога – и все летит навстречу.

– Вы... где это такую штуку взяли? – шепчу.

– С собой привезли, – Серега деловито так. – это глаз осы. Что она видит, то и мы.

– Вот она, рыба! – радуется девчонка.

И вижу – действительно. С кучи на кучу мусора пересигивая, несется здоровенная монстра – рыбий хвост, рог на носу, зубастая пасть, а по бокам – лапы так и мелькают! И непросто несется, а приближается со спины к каким-то людям в военной форме.

Вдруг Маринка как закричит:

– Да ведь это наши! Стой! Не надо! – и к выходу.

Остальное я уж набегу сообразил, прыгая за ней через ступеньки.

Глаз осы. Телекамера на летящем беспилотнике. А там, в подвале – экран. Значит, Баир, Глеб и Славка лежат в засаде и не знают, что сзади к ним зверюга приближается.

Как же я бежал! Но Маринка все равно впереди оказалась.

– Баир, зажигалку! – вопит, перепрыгивает через лежащих и прямо нос к носу сталкивается с рыбой.

Та только рогом мотнула – Маринку отбросило через всю улицу, как куклу, и в стену дома ударило. Я на бегу сажу в рыбью морду из Макара номер 2873, но без заметного эффекта. А эти трое все глазами хлопают.

– Да поджигай же ее, суку! – ору Баиру.

И тут, наконец, полыхнуло. Глеб со Славкой еле успели отскочить с опаленными мордами. Баир кое-как уберется, только хэбэшка на нем загорелась. Но мы его быстро притоптали – и к Маринке. Лежит, не шевелится, голова запрокинута.

– Девочка моя, – шепчу, – пожалуйста, будь жива!

– Руки убери, – стонет. – Знаю я вас...

Утер глаза рукавом по-быстрому. Вроде, никто не заметил.

– Ну, что, тореадор, – спрашиваю, – крепко приложились?

– Нога... ох! И ребро. Ничего, терпимо. Помогите встать.

Подхватили мы ее под руки и бегом назад, в подвал. От рыбы точно, одни угольки остались, но ведь рыба эта, наверняка не последняя тут.

– Главное, я был уверен, что ты детишкам заливаешь! Так, для налаживания контакта... Баир! Почему не доложили, про такую экзофауну?

Удивляется.

– Да я в первый раз такую вижу!

– Ничего-то ты, командир, не понял, – тихо говорит Маринка.

Это уж точно. Ладно, разберемся. Вот и подъезд. Спускаемся по ступенькам... Стоп. Подвальная дверь закрыта. Не просто закрыта, а заперта на все свои стальные запоры. Стучу рукояткой пистолета.

– Бесполезно, – говорит Маринка. – Они не откроют.

– Почему это не откроют?

– Потому что игра не окончена. Солдатики еще живы.

– Какие солдатики?! О чем ты?

Сияет глазами своими загадочно.

– А ты не заметил, Витя, что было самое странное в этих детях?

Ничего себе вопрос!

– Да в них вообще все странное! Что ты хочешь – дети войны!

Качает головой.

– Не то. Самое странное – у них не было ни одной игрушки – ни куклы, ни медвежонка, ни самолетики. Какая бы ни была война, дети должны играть.

– Ну и что?

– Они играют в нас.

Таак. Этого мне только не хватало! Я послал ребят следить за обстановкой на улице, а сам присел возле Маринки.

– Ты только не волнуйся, – говорю. – У тебя просто легкая контузия. Головой ударилась...

– Подожди, послушай. Эту рыбу я действительно придумала. Ничего такого раньше не было.

Опять двадцать пять за рыбу деньги!

– Как не было?! – спрашиваю. – А кто ж тогда тебя рогом...

Но она договорить не дает.

– Это они ее создали. Так же, как раньше – каменных гигантов, секача, шипохвоста... Это все их игрушки – экзофауна и солдатики. Они напускают на нас зверей и смотрят через осиный глаз, кто победит.

– Ни черта себе, игры! Да разве может нормальный человек...

– Они не люди, Витя.

– А кто?!

– Не знаю.

Сижу я рядом с Маринкой на полу под дверью, прислонясь к железу затылком – так легче соображать – но все равно чувствую себя таким же контуженым. Потому как начинает мне казаться, что она дело говорит!

– То есть ты хочешь сказать, что вот эти мальчишки и девчонки – и есть наши враги?

– Нет. Они хоть и не люди, но все равно – дети. Просто им рассказывали плохие сказки.

С ума я сойду от этих сказок!

– И что же нам теперь делать?

– Им нужно помочь.

– Во-от. – вздыхаю облегченно. – Слава Богу, ты начинаешь приходить в себя. Вывести их отсюда мы впятером не можем. Можем только попытаться дойти до своих и вернуться со спасателями.

– Им не нужны спасатели, – улыбается Маринка. – Им нужна мама... А вы идите.

– То есть как это – идите?! А ты?!

– А я буду сидеть здесь и рассказывать сказки.

– Где здесь? Под дверью?! Они тебя даже не услышат!

– Услышат, – смеется. – И увидят.

И показывает куда-то на потолок. Я поднимаю голову. Прямо над нами на потолке, вцепившись лапками в известку, сидит белая оса...

Оставался самый сложный участок перед станцией. Землю здесь будто трактором вспахали. В любой момент из-за бугра может появиться клешня секача, щелкнет наобум, и ничего не успеешь сделать, сколько ни поливай себя дезодорантами...

– Баир! Рви первым! Славка, за ним! Глеб!

Нормально прошли ребята. Теперь я. Последнему идти труднее всего. Если секач почувствовал сотрясение почвы, мог уже и подрываться поближе. Прыгаю с кочки на кочку. Но вот, наконец и стена. Можно передохнуть. Однако, только присели, как совсем рядом, за стеной вдруг просыпалась щебенка.

Так, ребята. Похоже, у нас гости. Баллоны приготовить. Толовые шашки. Да, и зажигалку на всякий случай. Сам же оттягиваю затвор своего верного Макара номер 2873. Толку от него мало, но как-то мне всегда с ним спокойнее...

Шорох ближе. Еще ближе... Вот сейчас появится из-за угла... Кто? Секач? Шипохвост? А может, сразу оба?

И тут они появились. Вдвоем. Плюшевый медведь и веселый розовый поросенок. Оставляя в пыли круглые нечеловеческие следы, они бодро зашагали по дороге, распевая во все горло:

– Куда идем мы с Пятачком – большой, большой секрет! И не расскажем мы о нем! О, нет, и нет и нет!

МОСКОВСКИЙ ОХОТНИК

«...Проволочная петля ставится на свежей тропе, на уровне головы зверька, маскируется травой или снегом внаутр. Как правило, зверек, попав в петлю, не способен освободиться самостоятельно. Он тянет прочь, бросается в разные стороны, но тем лишь наматывает проволоку на колышек или деревце, у которого она закреплена, и часто удушает сам себя. Поднять тушку следует не позже, чем через сутки, иначе ее попортят падалицы или нежданная оттепель...»

(Л. П. Савватеев. «Наставление московскому охотнику»)

Саня вышел из метро под дождь. Не обманули, сволочи! Еще на перроне насторожил его встречный дядька, лезущий в вагон с незачехленным зонтом в руке. А уж на эскалаторе, где чуть не каждый бегущий навстречу остервенело тряс мокрым пучком, рассыпая водяные искры, стало окончательно ясно – выходить придется в ледяную мерзость, что в Москве зовется «дождь со снегом».

Саня поднял воротник куртки и заранее нахохлился – втянул голову в плечи, козырек кепки надвинул на глаза. Эх, жизнь коммивояжерская! По грязи, по холоду беги туда, где не ждут. А там – пой, пляши и унижайся. Чаше всего без толку.

Хреновый, однако, из меня вояжёр, подумал Саня. Воя много, а на жор не хватает...

Дождь со снегом не подвел – ударил в лицо сразу за дверью. У ларьков, пестрящих разноцветными пивными этикетками, стойко топтались до блеска вымокшие мужички с початыми бутылками. Казалось, они как зачалились тут с лета, так и не придумали себе другого занятия, по сезону. Саня вздохнул не без зависти, но твердо прошагал мимо. Холодно. И некогда. И некстати сейчас будет на клиента перегаром дышать. Да и денег-то кот наплакал...

Миновав пивной киоск и обогнув табачный, Саня нырнул в знакомую дыру между ним и витриной цветочного аквариума. За сияющим стеклом извивались хвосты лиан, и жадные зевы насекомоядных орхидей ожидали денежной жертвы. Снег, секущий стекло, разлетался горячими брызгами.

С разгону Саня влетел было в штабель пивных ящиков, но вовремя осадил, не порушив пирамиды, принял вправо, перепрыгнул торчащий из асфальта гидрант, шарахнулся от спокойной, сытой крысы, обходящей владения вечерним дозором, снова повернул, перешагнул, пролез... и оказался перед выходом из метро.

Что за черт? Где-то свернул не туда. Мужички у пивного ларька посмотрели на Саню без интереса и отхлебнули.

А, может, это судьба? Постоять минут десять тут с мужиками, сладко потягивая пиво? Совсем ведь забегался, в трех будках заблудился...

Нет!

Саня мотнул головой, стряхивая наваждение. Сегодня надо обойти еще пяток контор, как минимум. А рабочий день кончается. Прокайфуешь тут с бутылкой и никого не застанешь. Вперед! Волка ноги кормят!

Он решительно влился в поток граждан, выходящих из метро, и двинулся в общем строю – с народом не заблудишься. От метро в дальнейшее пространство вела широкая полоса взбитой ногами грязи, отчетливо чернеющая меж убеленных трав газона.

Промесив вместе со всеми метров тридцать, Саня почувствовал, что выдыхается. Граждане шли споро, широко отмахивая руками, даже старушки с сумками на колесиках бодрячком змеили узкоколейные следы, а ему под ноги то и дело лезли какие-то рытвины да комки, кирпичные половинки, торчащие гвозди и прочие знаки препинания. Саня начал отставать. Тут еще на пути попался открытый канализационный люк, пришлось взять левее, сойти с народ-

ной тропы, по шаткой доске перебраться через черную, как провал, лужу, глотающую снег без остатка, даже свет фонарей не отражался в тягучей гуще.

Впереди открылся проходной двор, тесный от гаражей-ракушек. Плутая среди них, Саня старался поворачивать каждый раз направо, чтобы вернуться на оставленную дорогу. Наконец, гаражи кончились, в темноте обозначился узкий проход между домами. Тут уж не ошибешься – идти больше некуда. Саня надал, живо прошлепал слякотным коридором, стиснутым с двух сторон глухими стенами... и вышел к метро.

Цветочный павильон издевательски помахал ему сквозь витрину пальмовой пятерней. Пивной киоск лучезарно улыбнулся во все свои желтые бутылочные зубы. Мужики возле киоска перепархивали с места на место, как пташки, кормящиеся у туши блохастого слона.

Сволочи, справедливо подумал про них Саня. Не дождетесь!

Он развернулся и почти бегом бросился в противоположную сторону, в глубине души уже понимая, что все напрасно, никуда ему не убежать, не уйти, не уползти с этого пятачка перед выходом из метро. Но бежать необходимо, потому что если не убраться отсюда вовремя, случится что-то очень нехорошее...

Через полчаса Саня выдохся. Пытаясь унять колокольный бой сердца, он оперся на узенький прилавочек пивного киоска, так и не отпустившего его от себя. Прилавочек, запорошенный снегом, был покрыт круглыми отпечатками пивных донешек, как цепочкой следов. Следы вели в черный провал окошка, словно в нору затаившегося зверя.

– Ну, чего тормозим? – сварливо проскрипел бомжеватый старичок, подстерегавший стеклотару за углом киоска. – Денег, что ли, жалко? Мне тут тоже не фруктовый йогурт – жопу морозить! Бери Болтик-девятку! Не допьешь – дедушку угостишь...

Старичок укывлял дальше, агитировать неторопливых прихлебателей «Золотой бочки», а Саня вдруг почувствовал себя немного лучше. По крайней мере, одышливая бездумная истерика сменилась неким подобием мысли.

А что, в самом деле, подумал Саня, не глотнуть ли пивка? Ясно ведь, что работе на сегодня кранты. Боком она выходит, эта работа. Загонял сам себя, как зайца по кустам, аж в глазах мельтешит. Постоять нужно, охладиться, поразмыслить неторопливо – может и отпустит.

Он сунул руку в карман и выгреб небогатые свои финансы.

М-да.

Сумма не для бизнеса. На мобильник, и то не положишь – засмеют. А вот на пиво – в самый раз.

Саня шагнул к окошку, сунул деньги в темноту и с запинкой вымолвил:

– Козёл!

В пивных киосках на это слово не обижаются, а протягивают в ответ бутылку Велкоповицкого Козела, сваренного в Калуге. Но Саня не дождался бутылки. Что-то мягко и липко обернулось вокруг его руки по самый локоть и настойчиво потянуло внутрь.

– Э! Чего?! – испугался Саня.

Он уперся в стекло другой рукой и жалобно оглянулся на мужиков, стоявших совсем рядом.

– Кто это там чудит?

Мужики молча смотрели на него со спокойной печалью в глазах. Глаза были какие-то одинаковые у всех. И сами мужики, если не считать легкой разницы в сортах пива, были одинаковые. Скучные, пустые, словно бы выцветшие на холоде лица...

Ужас вдруг захлестнул Саню. Он понял. Это были не настоящие мужики. Вон и веревочка тянулась от одного к другому, связывая их пучками по несколько человек, для удобства забрасывания. Это были чучела!

Бомжеватый старичок все ходил от пучка к пучку, деловито побрякивая, вступая даже порой в разговор, но не получал ни одной пустой бутылки. От его валенка к ларьку тянулась тоненькая цепь-ногавка. Старичок был подсадной!

Саня заплакал, забился, упираясь в край окошка лбом, коленками, цепляясь зубами и ногтями за последние мгновения жизни... но сидящая во тьме сила легко смяла, сломала его и втянула внутрь – свежевать...

«... Охота с поросенком производится в тихие и лунные ночи. Охотники в числе двух-трех человек садятся с ружьями в крестьянские розвальни и ездят по проселочным дорогам, приманивая зверя криком взятого с собой поросенка, которого заставляют визжать. Чтобы увлечь зверя погоней за поросенком, используют потаск – пахучий мешок, набитый сеном и падалью...»

(Л. П. Савватеев. «Наставление московскому охотнику»)

С девушками Аркаша был не робок, нет. Чего там робеть, когда ты уже с девушкой? Все ясно и понятно – хохмочки, комплименты, цветы, мороженое, коктейли, коньяк в теплых ладонях. Порывистый поцелуй, игривый, словно в шутку. Но в каждой шутке, ты же понимаешь? Потом второй, обнажающий подлинные чувства. А рука уже касается мимоходом застежек и пуговиц. Может, ко мне? Я тут недалеко. И дальше, по плану, как по маслу.

Но все это хорошо, когда вы уже непринужденно болтаете с девушкой. Куда сложнее преодолеть грань между полным незнакомством и непринужденной болтовней. Вот, к примеру, идет по улице девушка. Симпатичная. Красивая даже. В общем, вполне подходящая. И что? Приставать к ней с дурацкими вопросами? Как пройти в библиотеку? Где находится ноефелет? Верх идиотизма! Какая-то, может, и клюнет – всякое, говорят, бывает. Но на фига нам, спрашивается, девушка, клюющая на подобные пошлости? Замкнутый круг получается. На примитивное хамство ловить не желаем, а на изящную романтическую комбинацию таланта не хватает.

Нет, вообще-то способности к изящному романтизму у Аркаши были, но в самый ответственный момент, когда нужно подойти и познакомиться, почему-то пропадали. Заклинивало парня насмерть, так что рта не мог раскрыть, хоть ломик просовывай меж зубами и отжимай. Так бы и мучился человек всю жизнь, да помог случай.

Аркаша и сам не знал, для чего забрел в этот клубешник на окраине чужого района, носивший понятное даже для непосвященного в историю кинематографа название «Ангар-18». А чего тут не понять? Ангар и есть – гулкая пустота под высоким, исчерченным балками потолком, и в этой пустоте реактивным рыком взрываются колонки моторизованого ди-джея. Из прочих механизмов в глаза бросались две почти голенькие девчонки в редких заклепках, раскачивающие сцену синхронными плясками живота. К девчонкам пока никто не присоединился и не приставал – народ еще не разогрелся.

Аркаша сразу направился к сияющей горячительными призывами стойке бара, поскольку знал по опыту, что на трезвую голову ему, с его талантом к общению, ловить нечего. Оно, правда, и на нетрезвую не особо полегчает, но накатить надо. По крайней мере, не будешь краснеть при каждой встрече взглядом с заводными местными девчонками.

Итак, что мы будем пить? Лучше всего, конечно, жахнуть водки – дешево, и горе забудешь, как говорил классик. Но неудобно. Все же тут не рюмочная для работяг, а ночной клуб. В клубе принято употреблять экзотические коктейли с воинственными названиями, вроде «Б-52» или «Немец в небе».

А! Вот хорошая штука, модная и забористая – абсент.

Аркаша загасил объятый ненужным пламенем сахарок, отложил дырявую ложку, отхлебнул из стаканчика. Ну вот, теперь дело пойдет.

Абсент еще кипел в пищеводе, а мир вокруг уже начал меняться. Сначала почти незаметно – просто музыка зазвучала мягче, гигантский бубен хип-хопа перестал наносить боксерские удары в ухо и принялся мягко массировать печень. Краски же, наоборот, стали ярче, заиграли на гляцевитых девичьих прелестях, затянутых в сетку и лайкру.

Аркаша с удовлетворением обвел сумеречный зал цепким взглядом. Публики заметно прибавилось, танцы разгорались. Тут есть, из кого выбрать, как можно циничнее подумал он, будто именно в этом заключалась основная проблема. В принципе, все было, как всегда. Девочки плясали, мальчики пили. На Аркашу никто особого внимания не обращал. Можно было пойти, подрыгаться в общей куче. Законы клубных скачек строги, но не обязательны к исполнению. Вроде бы все приходят компаниями, но это вовсе не значит, что ты не можешь явиться с одной компанией, а отбыть с другой. Если тебя туда примут. Или не найдут весомых аргументов, чтобы не принять. А может быть, кто знает, найдется и та, единственная, ради которой ты пришел. Которая пришла ради тебя. И тогда вообще все и всяческие коллективные законы рухнут, и в силу вступит один – самый главный, регулирующий принципиально нерегулируемые отношения между мной и тобой.

Впрочем, Аркаша не обольщался. Уже не раз совершал он подобные лихие налеты на ночные клубы, пробовал начать знакомство и с подогревом, и без, но все попытки кончались одинаково – ничем. Вот и теперь...

Рядом с ним у стойки присела рыженькая, худенькая, немного конопатая, но в целом – очень даже ничего. Аркаша обреченно вздохнул. Ну, три-четыре – начали, сказал он про себя и повернулся к девушке.

Ох. А что же ей сказать? Только что, вроде, были заготовлены слова, да куда-то подевались. Но отступать поздно, она уже смотрит на него, потягивая через трубочку зеленый коктейль.

– Мохито? – спросил Аркаша, кивнув на бокал.

Рыженькая не ответила.

– Напоминает банный веник, замоченный в кипятке, – Аркаша натужно хохотнул, но ответной улыбки не дождался, – в смысле – по виду. И по запаху.

Девушка отвернулась.

– Я к тому, что... не предложить ли мне вам... нам... с вами... чего-нибудь более...

– Дайте «Вог»! – сказала рыженькая бармену и, забрав сигареты, отошла от стойки.

Аркаша пожал плечами. Вот так всегда. В лучшем случае – брезгливое удивление, и в любом случае – отказ. Один раз только ему попалась девица, согласная выпить с кем и чего угодно. Правда, Аркашу она принимала за двоюродную сестру, поскольку никак не могла сфокусироваться. Но набежавшие друзья быстро увели ее и положили отдохнуть в тихом уголке под мегаваттной колонкой.

Танцевать Аркаша не пошел. Не созрел еще. После второй, разве что. А пока неплохо бы осмотреться, узнать, что тут еще есть, в этом ангаре. Он заказал себе новую дозу абсента и, согретья стаканчик в руке, двинулся на обход вверенного подразделения.

На антресолях в два этажа, сваренных из труб и тавров, располагалась местная ресторация. Там сидела публика потяжелее и кошельком, и челюстью. Сидела крепко, законно занимаемая столы мореного дерева. Только девушки и официанты с подносами легко порхали по ступеням металлической лестницы, ведущей на второй ярус. Аркаше там нечего было делать, он прошелся вдоль нижнего яруса, приподнятого над бетонным полом ангара всего на дамский каблучок, как бы выискивая взглядом знакомых, хотя знал надежно, что знакомых тут быть не может. Чужой район, чужая жизнь...

И вдруг чья-то рука опустилась на его плечо.

– Арканя! Ты как тут?!

Аркаша обернулся. Перед ним стоял совершенно незнакомый тип неопределенных, но, видимо, близких лет, одетый, по нынешней моде, в лоскуты пестрой обтрепанной ткани. Раньше так шили костюм волка или барбоса для детских утренников. Впечатление усиливал ошейник со стразами, заменявший незнакомому типу галстук, а особенно его физиономия, по-собачьи вытянутая, заостренная к носу, со щеками, чуть провисшими на манер брыльев, и поросшими, к тому же, редкой щетинистой бородашкой.

Этакой физиономии Аркаша, хоть убей, не помнил. Но подошедший, нисколько не смущаясь его недоумением, продолжал толкать в бок, хлопать по плечу, тыкать пальцем в живот – в общем всячески демонстрировал закадычное знакомство.

А черт его знает, подумал Аркаша. Может, и правда, знакомый. Мало ли?

Откуда-то из мертвых болот памяти вынырнуло, как на заказ, имя: Мартын. Ни к чему оно не было привязано, и меньше всего к этой собачьей физиономии, разве что служило кличкой какому-то реальному псу, знакомому в детстве, но что-то заставило Аркашу спросить:

– Мартын, что ли?

– Нет, блин, Гарри Похрен! – расхохотался уже несомненный Мартын. – Ну, ты даешь, Арканя! Мозги горошком прихватило? Совсем меня не помнишь?

– Да помню я! – на всякий случай сказал Аркаша. – Не узнал сразу. Изменился ты...

– На себя посмотри! – веселился Мартын. – Нагулял загрибок! Я тебя только по ушам и вычислил, а так бы сроду не узнал! Что за мрачная рожа? С женой поругался?

– Да я не женат, – Аркаша вздохнул.

– А-а! То-то я смотрю, глазенки голодные! Девочку ищешь? – Мартын понимающе хохотнул. – Так ты жхни чего-нибудь – и вперед!

Аркаша невольно разулыбался ему в ответ.

– Тем и занимаюсь!

– Что это ты пьешь? – строго спросил Мартын, заглядывая в аркашин стаканчик. – Абсент? Фу! Отравка! Пойдем, накатим настоящего бухла!

Он повлек Аркашу за стол, где уже сидели двое друзей Мартына – мрачные, неразговорчивые мужики, прячущие лица в пивных кружках.

– Ну-ка, давай вот этого глотни! – Мартын схватил со стола темную полупрозрачную баклажку с цветной этикеткой, исписанной угловатыми иероглифами.

– Это еще что за микстура? – Аркаша недоверчиво смотрел, как тягучая жидкость цвета жженого меда заполняет стакан. От напитка повеяло горьким травяным дымком.

– Тибетская водка, – сообщил Мартын, нацеживая стаканчик и себе. – Лучшее средство от одиночества!

– Не... я незнакомого не пью, – стал отказываться Аркаша. – Намешаешь, потом развезет...

Но Мартын уже сунул теплый стакан ему в руку.

– Кого развезет, тому и повезет! Не бойсь, проверено на кроликах. Сам себя не узнаешь, такой будешь самец!

Аркаша горько усмехнулся. Чего только не наговорят поддатые друзья, лишь бы не пить в одиночку...

Они чокнулись.

– Ваше здоровье, – обратился Аркаша к угрюмым соседям по столу.

Те, не отрываясь, от кружек, пропузырили что-то в ответ.

– За удачную охоту! – заключил Мартын.

Аркаша осторожно попробовал напиток. Ничего особенного. Вискарь, отягощенный ликером. Идет мягко и ацетоном не шибает, не то, что рисовая китайская. Он запрокинул голову и вылил остатки жидкости прямо в горло, чего ее смаковать?

– Вот это было жажнуто! – с уважением сказал Мартын. – Сразу видно – профессионал!

Стакан Мартына был пуст. Когда он успел выпить, Аркаша не заметил.

– Да и ты, я смотрю, орел.

– Пустяки, – небрежно бросил Мартын, – морсик!... Ну и чего сидишь?

– А что, по второй? – Аркаша пододвинул к нему стакан.

– Ты зачем пришел сюда? – строго спросил Мартын. – Водку пить или делом заниматься? Пока не выдохлось – шагай!

– Куда? – не сразу понял Аркаша.

– Не тупи! – Мартын погрозил ему кулаком. – Иди, танцуй, говорю. Да не бойся, лезь в самую гущу!

– И что будет? – Аркаша все не мог понять, шутит друг, или говорит серьезно.

Оба спутника Мартына вдруг встали и, ни слова не сказав, направились к выходу. Аркаша так и не сумел разглядеть их лиц.

– Давай, давай, – Мартын вытащил его из-за стола и нервно подталкивал в спину. – Видишь, люди ждут!

– Люди?

– Ну, в смысле – девчонки. Да иди же ты!

Аркаша чуть не упал, выброшенный на танцпол, как ему показалось, пинком под зад. Он врезался в толпу танцующих и повис на чьем-то плече. Его отпихнули, но неизбежно, с пониманием.

– Извиняюсь, – сказал Аркаша неизвестно кому.

В грохоте музыки он и сам себя не расслышал. Кругом плясали, обнимались, орали что-то друг другу на ухо. На него по-прежнему никто не обращал внимания, и никакого прилива храбрости Аркаша не испытывал. Глупо получилось. Дать бы этому Мартыну в ухо, чтобы не издевался над старым другом.

Но стоять столбом посреди танцующей толпы было еще глупее. Аркаша начал топтаться на месте, изображая некое подобие танца. Никогда он особым мастерством в этом деле не отличался, да и наплевать. Подрыгаться для виду минут пять – и домой. Хватит на сегодня сексуальных экспериментов...

В глаза вдруг ударил прожекторный луч, мощный саунд в колонках поперхнулся фанфарным аккордом и укатил куда-то вдаль.

– А вот и он! – прогремел в наступившей было тишине тысячекратно усиленный голос. – Вот он, наш давно обещанный сюрприз!

Голос был знакомым. Аркаша с удивлением посмотрел на сцену. Там, в сиянии собственного ошейника стоял Мартын с микрофоном в руке.

– Девчонки, вы попали! – профессионально завывал он. – У нас в гостях супер-пупер-мега-секс-идол! В представлениях нет нужды, вы, конечно, узнали этого парня! Звезда реалити-шоу и телефабрик, первый любовник и последний герой! Поприветствуем его!

Аркаша вдруг почувствовал на себе взгляд толпы. Никто уже не смотрел на сцену, все головы повернулись к нему. Пол качнулся, подкатил тошный испуг, как при попадании в воздушную яму. Прожектор вцепился в него, отбрасывая окружающих в темноту. Аркаша хотел было отступить, нырнуть в людскую гущу, укрыться – ведь не о нем же, в самом деле, грохочет этот голос в колонках – но пяточок пустого пространства повсюду следовал за ним, кутая в мягкий кокон света.

– Да нет, это он шутит, – бормотал Аркаша едва слышно, – розыгрыш такой... подстава...

– Ну, что ты там мечтаешь, скромняга? – интимно шепнул Мартын на весь ангар. – Лезь на сцену, а то затопчут!

И сейчас же за спинами ахнул нежный голосок:

– Ой, девочки! И правда – он!

Толпа колыхнулась. Мужчин оттирали вглубь, забелели коленки, блеснули губы, потянулись на маникюренные коготки...

Аркаша бросился к сцене. Толпа девчонок смыкалась позади него, настигая. Мартын протянул ему руку и вытащил наверх. Девичья масса с визгом ударилась о подмости, плеснув на рампу волной терпкого запаха духов.

– Спокойно, дамы! – веселился Мартын. – Звезда сама выберет себе партнершу на белый танец!

– Илюша! Троллик мой ласковый! – взмолился низкий девический голос.

– Димочка! Забери меня отсюда! – заверещал высокий.

– Май! Я здесь! – вопили сразу с нескольких сторон.

Что за черт, страдал Аркаша, глядя в россыпь безумных глаз. За кого они меня принимают? И что это за странные духи? Пахнет, будто жженым медом...

До него вдруг дошло. Пахло от него самого. Мартыновской чудесной водкой на травах, с дымком. И запах становился все резче, почти видимой пеленой стекал в зал, туманя мозги и застилая глаза. По сцене запрыгали мягкие комочки, девчонки бросали пушистых медвежат и зайчиков – брелки со своих рюкзачков, мобильники в меховых чехольчиках, цепочки и сережки. В лицо Аркаше ударил легкий тряпичный пучок. Он подхватил его и рассмотрел. Какие-то кружевные тесемочки, сшитые друг с другом полукольцами.

– Чего это? – растерянно спросил Аркаша.

– Чего, чего! Труссы! – прошипел Мартын мимо микрофона. – Линять отсюда надо, сейчас ломанутся!

Он сгреб Аркашу в охапку и потащил его за диджейский пульт. Здесь обнаружилась низенькая дверца, ведущая за сцену. Дверца была открыта, за ней маячила фигура одного из неразговорчивых мартыновых друганов.

– Лезь туда! Живо! – скомандовал Мартын.

Аркаша не упирался, его подгонял ураганно нарастающий вой и хруст ломаемой ramпы.

Втроем они пробежали темными захламленными коридорами и оказались у запасного выхода. Во дворе взрыкивал мотором широченный «Хаммер» с открытым кузовом. Молчаливый сейчас же полез в кабину, где обнаружился и второй, а также водитель, напряженно вцепившийся в руль и даже не повернувший головы.

– Быстро в машину! – гаркнул Мартын на бегу.

– Ты чем меня напоил, скотина?! – уперся Аркаша.

– Потом! Потом объясню! Поехали!

– Ну уж нет! – Аркаша безуспешно пытался оторвать его цепкую лапу от своего рукава. – Я домой пойду!

Мартын неприятно оскалил крупные зубы.

– Дурак! Пешком не уйдешь! Порвут!

Где-то позади уже слышался дробный топот погони.

– А, ч-черт... – Аркаша с трудом перевалился через борт «Хаммера» и, больно ударившись коленом, упал на дно кузова. Рядом мягко приземлился Мартын. «Хаммер» урчал на повышенных оборотах, но не двигался с места.

– Трогай, трогай! – прошипел Аркаша, потирая колено. – Чего ждем?!

Но водитель сидел, будто неживой. Двое друганов спокойно перекладывали на сидении какие-то металлические коробки.

– Сейчас, сейчас, – успокаивал Мартын, – без команды нельзя...

– Без какой команды? – не понял Аркаша. – Ты же сам говорил – порвут...

И тут один из сидевших в кабине, не оборачиваясь, громко произнес:

– Мухтар! Голос!

Мухтар?!

Аркаша изумленно уставился на Мартына. Мать честная! А ведь точно! Никакой он не Мартын! Мухтаром его зовут! Помнилось же, что собачья кличка! И морда совершенно псиная! Как можно было перепутать?

Мухтар снова оскалился, вывалил плоский слюнявый язык, но вместо того, чтобы подать голос, вдруг впился зубами в плечо Аркаши, так что тот заорал от боли.

– Ты что, сдурел?! Отцепись!

Свободной рукой он неловко, без замаха, бил Мухтара по голове, по шее, по носу, но тот лишь жмурился, хрипло рыча, и ничуть не ослаблял хватки.

Дверь клуба распахнулась, и на крыльце появились несколько растрепанных девиц.

– Вот ты где! – истерически завопила одна из них. – Андрюшенька мой!

Сейчас же из ангара посыпалась все пребывающая толпа.

– Пора, – спокойно сказал один из друганов... нет, один из хозяев Мухтара. – Трогай!

«Хаммер» рванул с места и, постепенно ускоряясь, покатыл по дворам. Толпа девушек бежала за ним, быстро разрастаясь, теряя каблуки и сумочки, срывая тесную одежду, подминая и топча упавших. Аркаша плакал от боли и страха, глядя в эти безумные глаза. Он пытался вырваться, но Мухтар крепко держал его зубами, порой же нарочно нажимал еще сильнее, чтобы Аркаша кричал и бился в кузове. Толпа тогда сразу густела и ускоряла бег.

Жилой квартал кончился, «Хаммер» вырулил в поле и запрыгал по кочкам. Он походил на комету с огромным хвостом. Двое молчаливых в кабине поднялись во весь рост, откинув крышку люка, будто хотели полюбоваться погоней. Аркаша, наконец, смог рассмотреть их лица. Он закричал в ужасе, визгливо и протяжно, как поросенок, назначенный на стол, но железо в руках Охотников выплонуло в толпу первый залп, и вопли его стали не слышны...

«...При малом числе охотников наиболее добычлива охота с флажками. Осторожный зверь, подгоняемый криками облавы, не решается уйти за флажки и выходит прямо на номера, расставленные распорядителем охоты в разрывах линии флажков...»

(Л. П. Савватеев. «Наставление московскому охотнику»)

Мы шли вниз по многолюдной Тверской, вглядываясь в озаренные теплым светом лица встречающих девушек. Отблески разноцветной рекламы добавляли в макияж карнавальных оттенков, отчего девушки казались красивыми. Было очень холодно, люди за стеклами кафе грели руки, обхватив чашечки с огненным кофе. Нам, обитателям тротуара, при взгляде на них становилось совсем зябко.

– Может, зайдем, жаждем по наперстку? – предложил я.

– А смысл? – Вовка с отвращением бросил окурочек под копыта прогулочной лошади, всем своим унылым видом зазывавшей гостей столицы покатаются на ней, кто сколько может.

– Холодно, – пожаловался я. – Жрать охота.

Лошадь вздохнула с пониманием.

– Ну а я тебя куда веду?! – Вовка глянул на меня, как на последнего приезжего, хотя я жил в Москве уже месяца три. – Не здесь же сидеть, бурдой давиться! Потерпи до Охотного! Там ростикс-шмостикс – хрустящая курочка, крошка-картошка, клинское, туборг – нормальная еда. А тут что? За пятьсот кровных получишь только суши да от мертвого осла уши!

Я не спорил. Спорить с голодным Вовкой бесполезно, в такие моменты в нем просыпается инстинкт Сусанина – он начинает водить знакомых по каким-то экзотическим и, якобы, сказочно дешевым кабакам. За их счет. Лучше помалкивать и шагать, пока он мирно настроен на фастфуд.

Мы прибавили ходу, обгоняя сытых иностранцев в солдатских ушанках. Иностранцы никуда не спешили, за углом их наверняка ждал теплый автобус, поэтому они с удовольствием любовались разгорающимися впереди кремлевскими звездами.

По мере приближения к Охотному Ряду, толпа быстро густела. Мы уже не могли никого обогнать, двигались в плотной колонне людей, как на демонстрации. Мне даже показалось что впереди над толпой развеваются флаги.

– А, черт! – Вовка сплюнул. – Опять у них мероприятие! Перегородили все, хрен пролезешь!

Подземный переход, ведущий к цели нашего путешествия – универмагу «Охотный ряд» – был перечеркнут красно-белой милицейской лентой. За ней стояли угрюмые омовцы с дубинками, под взглядом которых толпа сама собою сворачивала налево, к Госдуме, и попала в узкий коридор между двумя рядами металлических оград, где ее живым галопом прогоняли в направлении Большого Театра. Общий поток втянул и нас.

– А куда мы идем-то? – спросил я на бегу. – Нам же в другую сторону!

– Да ладно, – запыхаясь, отмахнулся Вовка. – Перейдем у Большого и вернемся через Площадь Революции.

Но переход возле театра тоже оказался перегороден пестрой лентой, как и поворот на Петровку. Колонна, не имея возможности свернуть ни влево, ни вправо, медленно поднималась к Лубянке.

– Нормально, – сказал Вовка, когда мы поравнялись с Детским Миром, – Кажись, загибаемся к Политехническому.

– Я так точно уже загибаюсь! Сколько можно бродить по морозу?!

– Не ной! – Вовка поднял воротник пальто. – Свернем на Никольскую и пойдем в ГУМ. Там, кстати, тоже фастфудовок немеряно, а народу меньше.

В конце Театрального проезда длинная шеренга конных милиционеров прегораживала путь колонне, заставляя ее поворачивать направо. Широкая змея, изогнувшись, текла в сторону Старой площади. Навзрыд плакал чей-то вконец вымотанный ребенок, пожилой мужчина остановился, держась за сердце, его толкнули в спину, и он заковылял дальше.

Я понял, что на Никольскую нам не свернуть – колонна упорно ползла вперед, ничуть не сужаясь и не разбиваясь на рукава. Никольская, как и все последующие переулки, была заперта красно-белой лентой.

– Да ну их в задницу! – не выдержал, наконец, Вовка. – Задрали со своими праздниками! Хоть вообще в центр не выезжай!

– Чего делать-то будем? – спросил я.

– А чего тут делать? Пошли в метро – и домой. Колбасы по пути купим. Водки.

Мы стали выбираться из колонны ко входу на «Лубянскую». Туда же сворачивали многие шедшие с нами. Перед входом толпа становилась гуще, и я не сразу заметил линейку милиционеров, пропускавших людей внутрь по одному и неохотно.

– Документики готовим, граждане! – зычно воззвал сержант. – Регистрацию в развернутом виде!

Вовка вдруг резко осадил и, пихаясь локтями, полез назад.

– Чего ты? – спросил я.

– Да просроченная у меня регистрация, – буркнул он. – Прицепятся – не отвяжешься. Лучше обойти...

Я вспомнил, что у меня-то и вовсе никакой регистрации нет, и полез сквозь толпу следом за Вовкой.

Мы медленно брели в гуще колонны мимо Политехнического музея. Какой-то дедок залез на водосточную трубу и, размахивая красным знаменем с надписью «Будьте готовы!» пытался затянуть «Родина слышит, Родина знает...», но его быстро сняли и увели.

– Кажется, я понял, – сказал Вовка. – На Васильевский спуск идем. Видишь, на Ильинку сворачиваем?

– Зачем нам на Васильевский спуск? – слабо отозвался я.

Ноги мои гудели от усталости, а уши нехорошо онемели от холода.

– Нам-то не надо, – согласился Вовка, – а весь народ туда валит. Не то на концерт, не то – на митинг.

– Какой концерт в такую морозяку?! – простонал я.

– Не знаю. Может, Пол Маккартни опять приехал. Или этот, голубой на рояле... Блин! Забыл фамилию.

– Меня сейчас другое беспокоит, – я потрогал уши ледяными пальцами, – выбраться оттуда можно?

– Элементарно! – кивнул Вовка. – Через мост – и на Третьяковскую. Если пустят...

Некоторое время мы молча брели по Ильинке. Разговоры в толпе стихли, люди шли понуро, едва переставляя ноги, как на похоронах. И вдруг далеко позади раздался басовитый кашель моторов, от нарастающего рева задрожали стекла в домах.

– Ни фиги себе! – удивился Вовка. – Техника подходит! Это что же, парад будет?

Народ тревожно оглядывался назад. Там, в начале улицы, метались лучи прожекторов, поднимались выхлопные дымы. Сзади вдруг стали напирать, появились бегущие люди, меня чуть не сшибли с ног.

– Бэтээры идут! – крикнул кто-то.

Толпа дрогнула и разом побежала. Рискую полететь кувырком, я все же оглянулся на бегу и увидел шеренгу бронетранспортеров, развернувшуюся во всю ширину улицы. Они быстро, ужасающе быстро приближались, подгоняя бегущих тигриным всхрапыванием дизелей.

Вовка где-то потерялся, наверное, убежал далеко вперед. Я рванул за ним, мимо белых колонн Биржи, мимо арок Гостиного Двора, заботливо отгороженных от толпы страшными красно-белыми полосами. Колонны больше не было, клубящейся, отчаянной кучей мы вырвались на площадь и рассыпались во все стороны, не видя еще, куда бежим, так как свет прожекторов на зубчатой стене бил нам прямо в глаза.

И тут раздалась выстрелы. Человек, бежавший передо мной, вдруг упал на колени, поцеловал землю и, неприятно дернувшись, затих. Рядом свалился другой. Кто-то катался по булыжной мостовой, визжа, как заяц. Впереди коротко вспыхивали огоньки, сопровождаемые раскатистыми хлопками и стонущими рикошетами пуль. Огоньки располагались цепью на равных расстояниях друг от друга, в разрывах красно-белой ленты, опоясывающей площадь. Совсем как охотники на номерах, подумал я и упал, запнувшись о лежащее на брусчатке тело. Прямо перед собой я увидел широко раскрытые глаза Вовки. Он лежал на боку и, казалось, пытался лизнуть булыжник окровавленным, неправдоподобно длинным языком.

Я всхлипнул и пополз прочь – к единственному укрытию на пупырчатой шкуре площади – Лобному месту. Охотники продолжали стрелять, но им пока хватало другой дичи, а может быть, в меня трудно было попасть из-за валявшихся повсюду тел, во всяком случае, я почему-то все еще был жив. Меня колотила крупная дрожь, руки и ноги совершали странные самостоятельные движения – куда больше движений, чем требовалось для того, чтобы ползти. Челюсти до хруста свело судорогой.

Какой мороз, плакал я. Какой страшный мороз!

Белесый камень Лобного места обжег руку холодом. Я поднял голову. Красно-белая лента трещала на ветру и билась о парашет, словно пыталась обнять, втянуть его в общее пространство площади. Но не могла. Здесь кончалась ее власть. Как же мне было страшно! Как хотелось повернуть назад и уползти поскорее прочь от этой полоски, в ярости рвущей камень! Но я не повернул. Впервые в жизни я пересек красно-белую запретительную ленту, впервые выполз из разрешенного пространства, где нельзя то и нельзя это, туда, где можно все. Может быть даже можно спастись... Может быть даже...

– Смотри, один уходит! – раздалось сверху.

Я замер на мгновение, а потом с облегчением перевернулся на спину. Теперь можно и это. Теперь можно ни о чем не думать и ничего не бояться. Потому что произошло самое страшное.

Над парашютом показалась рука охотника, и сейчас же тяжелая плотная сеть накрыла меня с головой. Странно, она совсем не давала тепла...

«... Многие промышленники, охотясь из года в год, приноравливаются выманивать зверя на манок, или вабить. Опытный вабильщик, заняв с раннего вечера позицию вблизи логова и передувши прежде щенят, чтобы не разбежались, выманивает матку прямо под выстрел, или в сеть...»

(Л. П. Савватеев. «Наставление московскому охотнику»)

– Да всякое, конечно, бывало, – Лариса отодвинула чашку, потянула из пачки белую соломинку «Эссе». – И ругались, и посуду били. Один раз я даже уезжала из-за нее к маме, и вещи перевозила...

– Да ну?! – Светка, сидевшая далеко, за компьютером, вытянула тощую шею на полметра лишних, чтобы не пропустить ни словечка. – Как же это ты? Расскажи!

– Да что там рассказывать... – Лариса пустила дым в потолок. – Поживешь со свекровью – сама узнаешь. Попила мне кровушки...

Она снова затянулась и замолчала надолго, будто пробовала на вкус не ментоловый дым, а воспоминания.

– И все-таки с ней было легче. Славка накормлен, одет – обут, сидит с бабушкой, а не с этими тварями-няньками. С работы приходишь – ужин на столе... А как похоронили бабушку, как взялась я посуду мыть на поминках – вот, думаю, вся жизнь моя теперь так и пойдет – готовь да посуду мой...

– Да уж, теперь только это, – покивала многоопытная Вера Сергеевна, – да стирка, да уборка, да за дитем ходи. А в школу пойдет – еще труднее будет.

– А твой-то что? – снова встряла Света, поднимая маленькую, как у змеи, головку над монитором. – Совсем не помогает, что ли? Запряги!

Лариса молча задавила окурков в пепельнице.

– Да, запряжешь их! – Вера Сергеевна гневно звякнула чашкой. – На мужиков где сядешь, там и слезешь.

Света вдруг зарделась и стыдливо упрятала головку за компьютер. Видимо, Вера Сергеевна невзначай задела интимное.

На столе у Ларисы мобильник пропел серенаду.

– Ну вот, легок на помине!

Лариса, утвердив на лице скептическое выражение, взяла трубку.

– Да, Андрей! Чего тебе?

– Мама! А ты скоро придешь? – прокричал ей в ухо детский голос.

– Славик?! – удивилась она. – Ты с папой?

– Папа на работе! – доложил детский голос. – Папа забыл дома свой могильный телефон!

– Не могильный, а мобильный, – поправила Лариса.

– Не могильный, а могильный, – старательно повторил Славик.

Лариса смотрела на коллег выразительно-скорбными глазами.

– Зачем ты звонишь, Славик? Маме надо работать!

– Я хочу на улицу!

– Потерпи. Вот я приду, и пойдем гулять.

– А ты когда придешь?

– Через три часа. Еще работы полно...

– А через три часа – это скоро?

– Все, хватит болтать! Деньги тратятся. Положи телефон и больше ничего не нажимай! Понял меня?

– Понял! А папе можно позвонить?

– Я кому сказала, оставь телефон в покое! И телевизор не трогай!

Лариса положила трубку и снова закурила.

– Могильный... Это он после похорон слова путает. Все спрашивает, зачем бабушка переехала в могилу, может, мы ей надоели...

– Только там и отдохнем... – вздохнула Вера Сергеевна. – И как он номер набрал? Я до сих пор в этих кнопках путаюсь!

– Ой! – Лариса махнула на нее сигаретой. – Дети с техникой в сто раз лучше нас управляют! Прямо беда! Сам телевизор в сеть включает и пультом щелкает. Уж и затычки на розетку ставили, и чего только не делали – бесполезно!

– У моих знакомых, – Света вынырнула из-за монитора, – сынишка до стиральной машины добрался. Один раз только видел, как мама кнопки нажимает, и на другой день все половики выстирал, замшевые сапоги и кота.

– Живой? – поинтересовалась Вера Сергеевна.

– Ну, вы скажете! – Света возмущенно выгнула шею. – Что ж, убить ребенка из-за какой-то стиралки?! Новую купили.

– Да я про кота!

– А! Про кота не знаю. У них сейчас дог.

Снова грянула серенада. Лариса схватила трубку.

– Славик! Я же просила тебя не звонить! Ну что ты, не можешь занятие дома найти?!

– А я уже не дома! – проквашал детский голосок в трубке. – Я пошел гулять!

– Что?! – Лариса так резко вскочила, что уронила стул. – Как это гулять?! Кто тебе дверь открыл?!

– Я сам! – гордо сообщил Славик. – Папа ключи тоже забыл.

– Я убью этого папу... – прошептала Лариса, закрыв глаза. – Славик! Немедленно вернись домой!

– А где наш дом? – поинтересовался Славик.

Трубка дрожала возле ларисиного уха, задевая серебряную сережку.

– Ты во дворе, да? Там, где качели?

– Нет, я на улице. Тут машины.

– Стой! – Лариса поперхнулась криком. – Стой на месте, сынок! Стой и не шевелись!

– Я стою, стою, – успокоил Славик. – Тут красный свет горит...

– Пожалуйста, не переходи дорогу, Славик! Жди мамочку! Я уже бегу к тебе!

Лариса, не отрывая трубку от уха, бросилась к выходу.

– А теперь зеленый, – доложил Славик. – Мама, я иду тебя встречать!

– Нет! – голос ее вспугнул коридорную тишину.

Лариса пробежала мимо проснувшегося вахтера и застучала каблуками на лестнице. – Не надо меня встречать! Стой на месте, я сказала!

– Я не могу больше говорить, – сказал Славик. – Деньги тратятся.

– Не надо! Не выключай телефон!

Но он уже отключился.

Лариса выскочила на улицу. Ловить машину? Нет, тут всего один квартал – пешком быстрее. Не обращая внимания на дико косящихся прохожих, она побежала в направлении группы шестнадцатиэтажек, островком сгрудившихся посреди автомобильных водоворотов.

На ходу она тыкала пальцем в кнопки телефона. Слезы застилали глаза. Только бы он не отключил телефон совсем!

– Алло, – сказал Славик. – Это кто?

– Славочка! Это я! – затараторила Лариса. – Пожалуйста, больше не выключай телефон! Держи его все время возле ушка, чтобы слышать мамочку! Я бегу к тебе, малыш! Я уже близко!

– Где ты, мама? Я тебя не вижу!

– Скоро, скоро увидишь! Я совсем рядом, на соседней улице!

– Это хорошо, – сказал Славик со странным удовлетворением.

Лариса даже испугалась этого неожиданно спокойного голоса.

– Славик! Славик! Ты слышишь?

– Слышу, не волнуйся.

Она пересекла поток машин, окаменевший в минутной пробке, и побежала вдоль квартала старых домов, разевавших на нее удивленные арки подворотен.

– Сыночка! Где ты стоишь? Посмотри вокруг, что ты видишь?

– Да здесь я, – также спокойно сказал Славик. – Во дворе магазина. Сверни направо в арку, и меня увидишь.

Направо? Лариса споткнулась на ровном месте. Откуда Славик знает, где право?

– Славик! Это ты? – неуверенно спросила она.

– Да, мамочка, это я! – сейчас же захныкал Славик. – Иди скорее! Мне страшно!

Лариса снова пустилась бегом.

Кажется, вот эта арка ведет к магазину. Сюда.

В темном проеме виднелись габаритные огни и распахнутые створки автофургона. Возле него, спиной к Ларисе, стоял дюжий грузчик и разговаривал по телефону. Фургон перегораживал арку от стены до стены, не оставляя прохода.

– Позвольте пройти! – Лариса задыхалась.

– Нечего тут ходить, – хрипнул грузчик, не отрываясь от телефона. – Не видишь – грузимся?

– У меня там ребенок! – крикнула Лариса.

– Нету там никакого ребенка, – спина грузчика выражала полное равнодушие.

Лариса вдруг испугалась. Славик в трубке давно молчал.

– Славик! – позвала она, – Ты слушаешь? Я уже здесь, совсем рядом! Подожди минутку!

– Да, мамочка, я жду! – громко раздался голос Славика. – Не беспокойся! Лезь в кузов!

Грузчик обернулся, и Лариса сразу все поняла. Он говорил в телефон детским голосом, но губы его совсем не шевелились. Да и не было у него никаких губ. Лариса бессильно закрылась рукой от надвигавшейся на нее оскаленной пасти Охотника...

* * *

Бешеная тряска, наконец, прекратилась. Аркаша лежал еще немного, приходя в себя, потом осторожно сел. Избитое тело болело каждой косточкой, но сильнее всего саднило плечо. Аркаша застонал было тихонько, но сразу замолчал. В темноте явственно послышался шорох.

– Кто тут?

– Свои – раздалось у него над самым ухом.

– Кто свои? – испуганно завертелся Аркаша.

– Кто! Люди! – сказали в темноте. – Да не вертись ты! Тут и так тесно.

Кто-то оттолкнул аркашину ногу.

– А где это мы?

– Кабы знать! Поймали вот и посадили в клетку.

– Кто поймал?

– Кабы знать!

Аркаша мучительно пытался вспомнить, что произошло. Вечер обрывался в голове клепаными ажурными конструкциями какого-то цеха или склада... ах, да! Ангар-18, удары хип-

хопа, стаканчик абсента, за ним – второй, а вот дальше... слепящий свет прожектора и странный, горелый запах – больше ничего не вспоминалось. Нет, нет, что-то было еще! Там, за прожектором, маячили две темные неподвижные фигуры...

– Я думаю, нас захватили пришельцы, – произнес в темноте тихий голос, – и перенесли с Земли на летающую тарелку.

– Какая уж там тарелка! – возразил голос по соседству. – Клетка, она клетка и есть. Только частая, вроде корзины, что ли. Сам пощупай!

– Это неважно, – спорил тихий, – нас усыпили и перенесли сюда, чтобы доставить на их планету.

– Кого это усыпили?! – возмутился аркашин сосед. – Мне железякой ногу защемило, прямо посреди улицы! Да так хряснуло, что нескоро еще засну, пожалуй... А потом взяли за шкурку – и в мешок.

За спиной Аркаши послышался сдавленный женский плач.

– А когда нас отпустят домой? – спросил детский голос.

Женщина всхлипнула, справляясь с собой, и ласково произнесла:

– Скоро, маленький, скоро!

– Сколько нас тут? – спросил Аркаша.

– Девятым будешь, – отозвался сосед. – Тебя где взяли?

– В ночном клубе.

– На Краснопресненской?

– Нет, в Марьино.

Сосед побряхтел, тяжело ворочаясь.

– По всей Москве собирают.

Аркаша, закусив губу от боли, потрогал горевшее огнем плечо. Ткань была мокрой. Он лизнул ладонь. Кровь. Но пахло почему-то псиной.

– Я ничего не помню!

– Та же беда, – сосед плюнул. – Видел ведь их, сволочей, вблизи – и как отшибло! Кто, сколько...

– Я же говорю – пришельцы! – упорно гундел тихий голос. – Нам стерли память, чтобы мы не могли о них рассказать. И это, между прочим, добрый знак. Значит, отпустят. Наверное...

– Да на кой ляд мы им нужны?!

– Для опытов, – мрачно хохотнул кто-то в отдалении.

– Ой, ну что вы такое говорите?! – женщина опять заплакала.

– Я думаю, они хотят установить с нами контакт, – настаивал тихий. – Мы – представители человечества и должны вести себя достойно.... – он помолчал, – тогда, может, и обойдется...

– Как это – достойно? – спросил Аркаша.

Его здорово мутило от боли, от выпитого за ночь, но больше – от страха.

– Не знаю, как, – вздохнул тихий. – Как разумные существа.

– Существа-то из нас теперь хреновые, – сказал сосед. – Кого хочешь в клетку посади – так ум за разум зайдет.

– Выпустите нас! Кто-нибудь! – в отчаянии закричала женщина. – Я не могу больше!

– Тихо там! – оборвал ее аркашин сосед. – Бабьих истерик только не хватало! И правда, подумают, что тут мартышки бессмысленные! – он привалился к Аркаше, перекладывая больную ногу поудобнее. – Образованный-то правильно говорит. Показать надо распальцовочку, пусть знают, что мы люди достойные, не шушера какая-нибудь. За нас, если что, и войска впрягутся. Долбанут ракетой, так что от ихней тарелки и каемки не останется! – он заметно оживился от собственных слов. – Слышь, ты, друг! Чего затих? Давай, расскажи, что там с этими, существами-то? Как нам себя разумными заявить?

– Ну, можно изобразить геометрические фигуры, – заговорил тихий голос, – начертить теорему Пифагора...

– Пифагора... – расстроился сосед. – Шутишь, парень! Тут своего-то пифагора не видно, не то, что теорему. Да и чем его чертить? На чем?

– Не знаю. В общем, нужно продемонстрировать, что нам знакомы науки и искусства.

– Искусства? Это ближе. Какие ж могут быть искусства – в темноте?

– Музыка, – сказал Аркаша. В голове его все еще пульсировал ночной хип-хоп.

– Правильно! – подхватили с другой стороны. – Давайте споем «Ой, мороз, мороз»!

– Не годится, – отклонил хромой сосед. – Подумают, что жалуемся, отопление врубят, а тут и так дышать нечем. Надо посolidнее что-нибудь, вдруг они, и правда – пришельцы?...

И тогда Аркаша, обхватив голову исцарапанными, истерзанными руками, похмельным, срывающимся голосом затянул:

– Земля в иллюминаторе... земля в иллюминаторе... земля в иллюминаторе – видна....

Его поддержал всхлипывающий женский голос, потом присоединился еще кто-то:

– А звезды, тем не менее, а звезды, тем не менее. Все ближе, но все также холодны...

– Братцы! Кто-то идет! – сказал вдруг хромой. – Слышите?

Сейчас же все увидели отблески голубоватого света на прутьях клетки. Откуда-то изда-лека доносился звук тяжелых неторопливых шагов.

– А ну, наддай, славяне! – гаркнул сосед. – Дружно, хором!

И девять окрепших надеждой голосов грянули навстречу приближающимся шагам:

– И снится нам не рокот космодрома! Не эта ледяная синева! А снится нам...

«... При свеживании мелкого зверя шкурка разрезается не по всей длине, а только со внутренней стороны задних ног до копчика, после чего легко снимается целиком, от крюка – вниз, к голове – так называемым „чулком“. Снятая шкурка тщательно протирается с внутренней стороны, после чего ее можно сушить. При этом нужно следить, чтобы шкурка не была слишком сильно натянута на распялке, ни в длину, ни в ширину. Тогда она сохранит свои природные размеры и добротную прочность...»

(Л. П. Саватеев. «Наставление московскому охотнику»)

Ассистент

Пять миллиардов лет назад в одной из наиболее отдаленных галактик... только не нужно иронически улыбаться, у меня есть свидетели. Именно так все и было – грохнул взрыв, разнесло полтуманности, и огромная раскаленная масса понеслась в направлении Млечного Пути – галактики, в которой, как известно, находится Солнечная система. Что прямо на ваших глазах и послужило предисловием ко всей этой истории...

From: «Arkady Kruglov» <[битая ссылка] krugly@e-mail.ru>

To: «Kitti» <[битая ссылка] little_star@tv-3.com>

Sent: Saturday, December 16, 2004 12:39 AM

Subject: Re [2]: зимнее

Бесценный друг мой!

(Умели, черт возьми, в прежние времена начинать романы в письмах! Разрешите и мне начать так же свое мыло :))

Вы спрашиваете:

> как вам удалось выпутаться из неприятностей, обрушившихся на вашу бедную голову этой весной?

Сейчас расскажу. Мне, признаться, и самому не терпится поведать миру об этих событиях, а заодно испытать свои литературные таланты. Пусть это письмо станет моим первым опытом в прозе. Вдруг, ко всему прочему, сделаюсь еще и великим писателем? Мне ведь теперь везет! :)

Многим наверняка будет интересно узнать, как сумел я в столь короткое время из никому не известного и, прямо скажем, никому не нужного сочинителя рекламных объявлений превратиться в... ну, в общем, в то, чем я теперь стал (да, кстати, яхта уже совсем готова, Брис-тлер завершает отделку интерьеров, а Кортъе – мебелировку. Пользуясь случаем, приглашаю вас в небольшой рождественский круиз из Хургады в Шарм-эль-Шейх).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.